КРЫМСКИЕ ДЕТЕКТИВЫ

Владимир Жуков

ДОЛГ ПЛАТЕЖОМ КРАСЕН

любовный роман

18+

Владимир Александрович Жуков
Долг платежом красен

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33572926
SelfPub; 2018

Аннотация

Одержимый чувством чести и долга, чиновник пытается расследовать деятельность главы городской администрации – матерого казнокрада. «Теплый» прием из-за утраты бдительности для него обернулся скандалом и шантажом. Благодаря другу, офицеру милиции, ему с возлюбленной удалось избежать горькой участи.

Содержание

1. Контроль и учет 4
2. Урок профилактики 19
3. В ряды патриотов 31
4. Встреча главспеца 48
5. Жгучая брюнетка 69
6. Шантаж и угрозы 89
Конец ознакомительного фрагмента. 97

1. Контроль и учет

К месту встречи, в небольшой сосновый бор, что за городом, Хлыстюк прибыл вечером в служебном авто «Mazda» черного цвета. Увидел своего приятеля, поджидавшего его возле скромной белой «Оки», мягко вдавил педаль тормоза. Машина послушно остановилась у стройной высокой сосны. Игорь Глебович Каморин, лет тридцати восьми от роду, ладно скроенный, широкоплечий, услужливо открыл дверцу японской иномарки. Хлыстюк вылез из машины, следом на землю выпрыгнул ротвейлер буро-коричневой масти.

– А где же ваш водила, Савелий Игнатьевич? – ощутив цепкость его коротких пальцев, удивился Игорь Глебович. – Сами за баранкой. К чему такая конспирация? Почему встреча не в вашем кабинете?

– Слишком много вопросов, Игорек, – властно оборвал его Хлыстюк, слегка подтолкнул рукой. – Давай пройдемся, здесь нам никто не помешает. Замечательная погода, хвойный воздух, не часто ноябрь выпадает таким погожим. Обычно дожди, туманы, холодный норд-ост…

Они, прихватив мобильные телефоны «Siemehs», степенно прогуливались вблизи авто. Под обувью мягко пружинила увядшая трава, слежавшиеся настом сосновые иглы Хлыстюк строго поглядел на Каморина маленькими въедливыми

глазами, пригладил ладонью седые волосы на лысеющем темени.

– Конспирация – дело, стоящее при любой власти и режиме, – назидательно произнес он. – Разговор у нас серьезный, о его содержании никто не должен знать, потому я и велел своему водителю отдохнуть. Водители слишком болтливые, ненароком проговорится. Да и кабинет мой не для таких бесед. Стены имеют глаза и уши.

Не исключаю, что технари из шестого управления по борьбе с организованной преступностью и коррупцией нашпиговали его «жучками». В машине тоже могут быть «сюрпризы». Даже президента Кучму его охранник майор Мельниченко умудрился подслушать в кабинете и месте со спикером Морозом устроить «кассетный скандал» по поводу политического убийства журналиста Георгия Гонгадзе, преследования представителей оппозиции. А уж нам и подавно надо держать ухо востро. Только не подумай, что я напуган, но лучше лишний раз перестраховаться, не рисковать. Помни, что береженного Бог бережет.

– Пригласили бы связистов, чтобы прощупали ваш кабинет. Для этих целей есть специальные приборы, – посоветовал Каморин. – Во-первых, убедитесь, что вас действительно прослушивают. Во – вторых, примите контрмеры.

– Дельное предложение, так и сделаю, – согласился Савелий Игнатьевич. – Ты, гляжу, не разучился соображать.

– Да, как говорят мои пацаны, есть еще масло в голове, –

улыбнулся Игорь Глебович.

– Может тебя в штат взять советником?

– Благодарю, Савелий Игнатьевич, но меня служебная карьера не прельщает. Хотя предложение и очень заманчивое, я предпочитаю оковам свободу действий.

– Это золотые оковы, в роскоши будешь купаться. Поначалу многие, пока не дорвутся до власти, не ощутят ее вкус, \ говорят о свободе, независимости, – заметил Хлыстюк. – Именно власть дает капитал, красивых баб и свободу. Все же возьму я тебя советником пока на общественных началах, чтобы не давать повода для закулисных сплетен. А вообще старайся не засвечиваться.

Веди скромный образ жизни, не привлекай внимания. Возникнут проблемы, обращайся в любое время суток. Для того и мобильный телефон. Надо умело пользоваться плодами цивилизации. Всегда помогу, чем смогу. У кормушки президента куча советников, помощников и прочей челяди, а чем я хуже?

– Не хуже, а лучше. Благодарю за оказанное мне доверие, за должность. По пустякам беспокоить не стану, – пообещал Игорь Глебович. – Вы, Савелий Игнатьевич, можете мною располагать на все сто процентов, не подведу, не выдам ни под какой пыткой.

– Это ты хватил через край, ни пыток, ни нар мы не допустим. Я в тебе уверен, Игорек, а теперь к делу. Ты с Зубачем пообщался?

– Да, как вы приказали. Потребовал тысячу долларов в месяц и ни цента меньше.

– Как он отреагировал?

– Заартачился, схватился за телефонную трубку, хотел позвонить в милицию и прокуратуру. Пришлось его немного, как боксерскую грушу, помять. Подействовало, стал, как шелковый.

– Ты слишком не увлекайся, чтобы без тяжелых последствий, травм и увечий, – предостерег Хлыстюк. – Нам скандалы в городе не нужны, все должно происходить тихо, мирно на добровольных началах в виде пожертвований для общего блага.

– Аккуратно обошелся. После того, как взбодрил его, привел в чувство, предупредил, что на его «Зодиак» готовится наезд рэкетиров. Я мол, могу обеспечить “крышу”, охрану за соответствующую плату. Сказал, что эти услуги обойдутся ему намного дешевле, чем восполнение материального ущерба от неизбежного погрома.

– Зубач знает, кто за тобой стоит?

– Наверняка, догадался. Коммерсанты между собой тесно общаются, а земля, как известно, слухом полнится.

– О чем вы договорились?

– Он стал жаловаться, что товар идет плохо, фирма несет убытки. Был под градусом и вел себя вызывающе нагло, поэтому, Савелий Игнатьевич, пришлось его встряхнуть.

– В чем проявилась его наглость? – насторожился хозяин.

– Напоследок сказал, что гусь свинье не товарищ.

– Так и сказал?

– Дословно, – кивнул головой советник.

– Ну, гусь лапчатый, – всерьез рассердился Хлыстюк. – Я ему подложу большую черную свинью. Перья выдеру и поджарю, как шашлык на мангале. Узнает, кто в городе хозяин. Налогами задавлю, проверками изнасилую и по миру пущу.

– Может его слегка по голове арматурой стукнуть или утюгом погладить? – предложил Каморин.

– Пока воздержимся, я на него своими средствами воздействую. Через неделю завопит и сам на прием попросится. Ну, гусь, это же надо такой номер выдал. Я от него такой прыти не ожидал. Обычно он спокойный, покладистый, а тут полез на рожон …

– Наверное, в нем градусы взыграли, вот и осмелел? – предположил Игорь Глебович.

– Он мне и за градусы ответит. Денег у него нет, бедствует, а коньяк и водку хлестать горазд, – возмутился хозяин. – Почувствовал вкус шальных денег, вот и не желает делиться, жаба давит. С другими барыгами, как складываются отношения?

– На АЗС, платных автостоянках и на рынках придется еще поработать, – сообщил советник. – Жалуются на уменьшение оборота и выручки в связи с кризисом, ростом курса доллара. Хотя подорожание горюче-смазочных материалов им на руку. Парамоша хитрит, избегает встреч. Сколачивает

вокруг себя группу недовольных барыг. Но я ему рога обломаю, а шпана разбежится по кустам.

– Парамошу я сам за жабры возьму, – сказал Савелий Игнатьевич. – Все должно быть под нашим надзором: магазины, рынки, комки, рестораны, бары, казино, АЗС, автостоянки, обменные пункты и прочие объекты любых форм собственности. Ты, Игорек, и без меня знаешь, где большие деньги вращаются, где финансовые потоки и даже ручейки. Надо успеть все прибыльные объекты и их субъектов прибрать к своим рукам, иначе влиятельные конкуренты, олигархи нас задавят. Из других городов и регионов нагрянут, из Днепропетровска, Донецка, Макеевки, превратив город в рынок сбыта своих товаров.

Прежде они назывались ОПГ, то есть организованные преступные группировки, а теперь трансформировались в благозвучно солидные ФПГ, финансово-промышленные группы, а суть одна. Круто развернулась борьба за крупные лакомые предприятия и сферы влияния. Недоглядим, опоздаем и окажемся на обочине или пустят нас в расход. У тебя в голове масла хватит, чтобы разобраться.

– Вы правы, Савелий Игнатьевич, конкуренты-варяги наседают, теснят, – сообщил Каморин. – У них крупный капитал, а значит и сила. Коль сила есть, ума не надо. Если полюбовно не договоримся, то неизбежны разборки. Нерационально, даже глупо, понапрасну терять людей. Надо наращивать мускулатуру, а это потребует дополнительных средств:

экипировка, оружие, транспорт, средства связи, расходы на содержание боевой группы.

– Сила – это хорошо, но и мозги должны быть ясными. Часто побеждает не сильный, а хитрый. Сколько под нами сейчас субъектов предпринимательской деятельности?

– Пока шестьдесят пять.

– Мало, в городе их более двухсот и с каждым месяцем появляются новые субъекты среднего и малого бизнеса. Активно бери под «крышу» и других, чтобы конкуренты не опередили, – велел начальник. – Ты, Игорек, не скупись. Подбирай себе помощников из числа спортсменов – боксеров, борцов, штангистов, бывших спецназовцев, особенно, снайперов. Не исключено, что нам потребуются киллеры. Многие из спортсменов сейчас не у дел, и поэтому охотно согласятся, особенно молодежь. Им ведь каждый день нужны деньги на красивую жизнь, на женщин и развлечения. В твоей команде должны быть крепкие, надежные ребята. Отпетые уголовники не нужны, с ними проблем не оберешься. Понял?

– Как не понять, – улыбнулся советник и полез в карман черной кожаной куртки за пачкой сигарет и зажигалкой.

– С куревом повремени, – жестом руки остановил его Хлыстюк. – У меня на табачный дым аллергия?

–Извините, Савелий Игнатьевич, забыл, увлекся, – виновато спрятал сигареты и зажигалку.

– Впредь с памятью не должно быть провалов. Дыши свежим воздухом, береги здоровье, наслаждайся жизнью и при-

родой. Кстати, курево, никотин приводят к импотенции и онкологическим заболеваниям. Есть риск раньше срока сыграть в коробок.

– Знаю, но еще неизвестно от какой заразы раньше опрокинешься, – хмуро заметил Каморин. – То ли от пули и взрыва, то ли от рака и СПИДа. От судьбы не уйдешь, от смерти не откупишься.

– Не нравится мне твой пессимизм, Игорек. Насчет СПИДа будь с бабами осторожнее и Бог помилует. Выше голову, нам рано еще, в отличие от поэта, бренные пожитки собирать.

– Конечно рано, – согласился тот.

В кронах сосны что-то прошелестело. В сгустившихся сумерках они увидели прыгавшую с ветки на ветку белку. Пес громко залаял на зверька.

– Фу, Сенатор! – хозяин прикрикнул на ротвейлера. К ногам упала сухая шишка.

– Нам тоже приходиться вертеться, как белке в колесе, – задумчиво произнес Савелий Игнатьевич и выжидающе поглядел на советника. – Что у нас там набежало?

Игорь Глебович понял с полуслова, нырнул рукой во внутренний карман и подал конверт с долларами:

– Здесь двадцать пять тысяч.

– Не густо, надо бы увеличить ставку, – вздохнул начальник и спрятал конверт в широкий карман темно-зеленого плаща. – На своих пацанов оставил?

– Как обычно, Савелий Игнатьевич. У моих ребят потребности известны – ресторан, казино, бабы… пока молоды, пусть развлекаются.

– Ты их сдерживай, чтобы без скандалов и крови. Помни: делу – время, а потехе – час.

– Помню, Савелий Игнатьевич, – отозвался советник. – А насчет увеличения ставки лучше повременить. Не надо резать курицу, которая способна нести золотые яйца.

– Пожалуй, ты прав, – после паузы ответил Хлыстюк.

Они возвратились к автомобилям.

– Я первым отъеду, а ты пока покури и минут через пять тоже пошабашишь, – велел Савелий Игнатьевич, глядя на приткнувшуюся у дерева «Оку».– Тесновата для тебя тачка, купил бы «Mercedes», BMW, «Volvo» или джип «Subaru»?

– Не люблю пыль в глаза пускать, – ответил Игорь Глебович. – «Ока» меня вполне устраивает, неприхотливая и экономичная, а иномарку, тот же шестисотый мерс, всегда можно купить. Скромность украшает человека.

– Что ж одобряю твою скромность, молодец, – похвалил начальник. – Главное не высовываться, быть в тени. Это меня черт в политику втянул, будь она неладна. Но коль взялся за гуж, то не говори, что не дюж. С Зубачем я сам разберусь, он у меня не то, что свинью, черта признает за товарища.

– Сенатор, не шали! – окликнул он ротвейлера.

– Почему пса, так необычно, Сенатором назвали? – поинтересовался советник.

– Он иной раз лает без толку, – махнул рукою хозяин. – Как иной депутат, заберется на трибуну и чешет языком, черт знает что? Скоро ему стукнет пять лет – первый юбилей. Нынче среди состоятельных людей, в том числе чиновников и депутатов, стало модным отмечать дни рождения не только любовниц, но и четвероногих друзей – коней, собак, кошек и даже попугаев… Чем мы хуже?

– Не хуже, намного лучше, – услужливо заверил Игорь Глебович.

– Хочу на юбилей Сенатора порадовать. Заодно будет повод встретиться с влиятельными людьми, немного расслабиться в дружной компании. Ты поговори с начальником гарнизона, а я ему предварительно позволю, чтобы он выделил толковых пиротехников и оборудование, материалы для фейерверков. Как в День Победы, все небо украсим салютом. От души повеселимся, Сенатору тоже будет приятно. Я ему по случаю юбилея приготовил сюрприз, но разглашать не стану, чтобы не произошла утечка информации.

– Разноцветный салют – удовольствие дорогое, – робко напомнил Каморин.

– Что ж, где наше не пропадало. Впрочем, полковник и бесплатно устроит салют, упираться не станет, ибо себе потом будет дороже, – ответил хозяин и вдруг пропел. – День рождения лучший праздник, только раз в году. Каким-то там вшивым болонкам, пуделям и прочим шавкам устраивают пышные торжества, именины, породистым сукам по случаю

удачных родов. Уж я на своего любимца не поскуплюсь. Он у меня бойцовской породы со знатной родословной. Молодец, за хозяина готов любому врагу горло перегрызть, а если надо, то и костьми лечь.

– Шеф, почему бы вам не завести еще питбультерьера?

– Упаси Господь! Это же зверюга. Его без намордников и коротких поводков нельзя выводить на прогулку, держать в квартире опасно, – возразил Савелий Игнатьевич. – Немало трагических случаев, когда эти непредсказуемые твари загрызли своих хозяев. Мне жизнь еще не наскучила, только за последние два, три года, пока у власти, ощутил ее настоящий вкус. Сенатор у меня надежный защитник, без команды «фас!» с места не сдвинется.

– Да, у собаки инстинкты, а человек руководствуется разумом, своими интересами, действует по принципу: своя рубашка ближе к телу, – напомнил советник.

– Вот в этом и суть трагедии. Главное отличие собаки от человека, – оживился Хлыстюк. – Поэтому юбилей Сенатора, как говорят футболисты о матче, состоится при любой погоде.

– А вы, Савелий Игнатьевич, не боитесь людской молвы, сплетен и пересудов. Разговоры пойдут, мол, буржуй с жира бесится, когда вокруг столько нищих и беспризорных, безработных и голодных, а он собачьи именины справляет? Каждый бы пожелал такой сытой собачьей жизни, – заметил советник.

– Черт с ними, с разговорами, они мне по барабану, как старому барану, – махнул рукой хозяин. – Оно может и к лучшему. Дурная слава, тоже способствует популярности, тем более, что очередные выборы на носу. Вон Ельцин на дурной славе в президенты России выбился, а Моника Левински за мемуары о сексе с Биллом Клинтоном многомиллионный гонорар отхватил. Так что, нет, худа без добра. Надо только уметь ловко обратить скандал, сенсацию, событие, факты, ситуацию в свою пользу. Чем я хуже?

– Не хуже, но тяжела шапка Мономаха?

– Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом?

– Да вы, Савелий Игнатьевич, по рангу о табелях уже генерал.

– Игорь, ты не забывай о моем хобби. У каждого свои пристрастия: первые коллекционируют шедевры живописи, вторые – яхты, самолеты и вертолеты, третьи – раритетные и современные авто, четвертые – старинное оружие, пятые – монеты и самовары и так далее. А я, хотя и обожаю дорогие гоночные тачки, но коллекционирую женщин. Это самое приятное увлечение. Основной инстинкт, гены далеких предков. Не забывай подбирать в салон красоты «Шик & Блеск» юных, сочных очаровашек.

– Будет сделано, – ответил советник.

– Фу, откуда запах, едкий, как аммиак? – Хлыстюк брезгливо повел носом, с подозрением взглянув на Каморина, замахнулся рукой. – Ах, ты, скунс, мерзкий паразит, утробный

газ стравливаешь?

– Что вы, Савелий Игнатьевич, я не животное, соблюдаю этикет, – отпрянув в сторону, обиделся советник. – У меня дорогой парфюм от Dior.

– Кто же тогда? Может Сенатор? – хозяин оглянулся на пса, увлеченного рыжеватой белкой, перебегавшей и прыгавшей по веткам.

– Шеф, кажется, вы наступили на «мину»?

Хозяин взглянул на свои туфли и увидел прилипшую к подошве буро-коричневую, вязкую, словно пластилин, массу и посетовал:

– Эх, как меня угораздило? Не привык ни перед кем голову склонять, под ноги смотреть, вот и наступил.

– Может это экскременты от овцы или козы? – решил замять конфуз советник.

– Экскременты, экскременты, – укоризненно покачал головой начальник. – Каждый считает себя знатоком, ученым. Ты не юли, а называй вещи своими именами. Не лепи мне горбатого. У коз и овец помет вроде горошка или волчьей дроби. А это двуногие «лось» или «лосиха» наложили.

– Босс, хорошо, что коровы не летают, – вспомнил Каморин присказку.

– И слоны тоже, – поддержал Хлыстюк. Он с кислой миной вытирал подошву о сухую траву, слежавшиеся сосновые иглы, но запах от этого становился еще резче, отличался едкостью.

– Верно, знающие люди предупреждают, что лучше его не шевелить.

– Что ж мне с этим пластилином, так и ходить? – возразил хозяин. – Весь салон иномарки протухнет.

– Каждый раз убеждаюсь в том, что человек то же животное, хищник, зверь двуногий. Где приспичило, там и сделал, – сделал вывод Игорь Глебович.

– Ты говори, но не заговаривайся, – осадил его мэр. – По-твоему, я тоже животное, хищник?

– Нет, нет, упаси Господь, вы приятное и редкое исключение, – поспешил с ответом Каморин. – Где попало, гадить не станете, а только в специально отведенных местах.

– Хорошо, что напомнил. Я на днях был в столице, встречался со спикером парламента Гаманцом, так там нынче в моде биотуалеты. В центре Симферополя на каждом углу установлены. Какой-то ушлый бизнесмен Лева на человеческой нужде капитал наваривает. Советские общественные туалеты прикрыл, заварил решетками, поэтому люди поневоле вынуждены пользоваться платными услугами. Когда прижмет, то за ценой никто не постоит. Гребет деньги за мочу и кал. Надо бы и нам парочку биотуалетов приобрести для пикников. Выезжаем на природу, а ходить приходиться до ветра или под кусты, в том числе и бабам. Так не годиться.

– Будет сделано! – подтвердил Каморин и предложил. – Мы ведь тоже можем под предлогом аварийности закрыть все бесплатные туалеты на вокзалах, рынке и других обще-

ственных местах и установить биатуалеты. Как говорится, деньги не пахнут?

– Толковое предложение, – похвалил босс. – Удивляюсь, почему при Советском Союзе не додумались изобрести такую уникальную штуковину. В космос летали, а с платными сортирами прошляпили. Выпив литр пивка, мочились в подъездах?

– Страна огромная, было, где присесть. Даже туалетную бумагу покупали по большому блату, на всех не хватало, – посетовал советник. – То, что вы наступили на «мину» плохая примета. Будьте бдительны, возможен подрыв на мине или фугасе.

– Брось каркать. Если верить приметам, то и шагу ступить нельзя, – возразил Савелий Игнатьевич и позвал. – Сенатор, к ноге!

Ротвейлер, обескураженный едким запахом, сел у ноги хозяина. Поводя большой головой, чутко внимал приказам.

Пожав руку, Хлыстюк поспешно свернул разговор. Преследуемый запахом фекалий сел за баранку, захлопнул дверцу и «Mazda» выехала из соснового бора. Через десять минут Каморин следом отчалил на «Оке».

Вскоре на темно-синем бархате неба проклюнулись первые звезды, среди которых серебряным челном скользил серп луны.

2. Урок профилактики

– Савелий Игнатьевич, вам спозаранку названивает директор МЧП «Зодиак» Викентий Павлович Зубач, – сообщила секретарь, едва начальник вошел в приемную. – Настырный, нервный такой. Может ответить, что вы в командировке или на совещании? Боюсь, что он вам на целый день настроение испортит…

– Нина Петровна, мне не привыкать, – усмехнулся начальник. – Такая наша горькая участь. И тихих, и нервных ходоков, всех приходится принимать и выслушивать. Если еще этот Зубач позвонит, то соедините меня с ним. Видно, срочное у человека дело, надо уважить.

– Вас поняла, шеф, – четко ответила женщина, за два десятка лет работы в приемной при бывших боссах глубоко изучившая характеры, привычки и капризы начальников. Она присела за стол с компьютером, а Хлыстюк скрылся за плотной с тамбуром дверью просторного кабинета. Минут через пять – телефонный звонок. Хозяин кабинета поднял трубку.

– Это неугомонный Зубач, – услышал он голос секретарши. – Соединяю, как вы велели.

– Доброе утро, Савелий Игнатьевич! – запальчиво и слишком громко произнес Викентий Павлович.

– Конечно, доброе, – невозмутимо ответил хозяин.

– Извините за беспокойство, – сразу понизил тон директор. – Я понимаю, что вы человек занятой, у вас масса проблем и забот, но я прошу выкроить для меня минут пятьдесять?

– Я не закройщик, не портной в ателье, чтобы выкраивать ножницами, поэтому формулируй свои мысли точно. Могу уделить несколько минут. А в чем, собственно, дело? Почему такая срочность? У меня для приема посетителей определены дни и часы, – со строгим недовольством осадил его Савелий Игнатьевич и, злорадствуя, подумал: «Сам на поклон напрашивается. Хорош гусь лапчатый, взял я тебя за живое. Я те покажу, кто в городе хозяин, кто здесь командует парадом».

– Ревизоры меня вконец замордовали, – взмолился Зубач. – То из КРУ нагрянут, то из налоговой милиции и инспекции, все переворошили. Того и гляди, из прокуратуры пожалуют. Прямо нашествие монголо-татарского ига. Работать мешают, сотрудников нервируют, покупателей отпугивают, большие убытки несу… Откровенно под видом штрафов и других санкций занимаются вымогательством.

– Ты что же, Викентий Палыч, хочешь жить по принципу: разделяй и властвуй?– резко перебил его чиновник. – И не смей больше клеветать на блюстителей законности и порядка, на наши безупречные компетентные органы. За клевету, ложные обвинения предусмотрена, не только администра-

тивная, но и уголовная ответственность. Так дело не пойдет, ты не в джунглях и не в тундре живешь. Надо делиться, платить налоги в бюджет, не прятать прибыль в чулок. Учись трезво оценивать ситуацию, подавлять порочные алчные инстинкты. Что еще соизволишь сказать, какие претензии, чем недоволен? Я весь внимание.

– Спасите от ревизоров и контролеров.

– Если у тебя все в порядке, к чему тогда паника? Плановая проверка, не у тебя одного. Так будет с каждым, кто задерживает платежи в бюджет и в специальный фонд для благоустройства нашего горячо любимого города. Кстати, эта важная миссия поручена моему новому советнику Игорю Глебовичу Каморину. Прошу любить и жаловать. Не вздумай с ним ссориться, иначе дорого обойдется, горько пожалеешь.

– Знаю, я эти плановые проверки по три раза в месяц, – посетовал Зубач. – Если перед ревизором поставлена задача: выявить нарушения, закрыть фирму, то он в лепешку расшибется, чтобы выполнить задание начальства.

– Правильно мыслишь, Викентий Палыч, – похвалил Савелий Игнатьевич. – Что ж ты раньше не прозрел. Ревизорам работать, исполнять свои функции не мешай, а то прикажу наложить арест на твою фирму, лишу лицензии. Как простой бич, станешь на биржу труда за жалким пособием по безработице…

– Савелий Игнатьевич, по какому праву? – испугался ди-

ректор.

– По римскому, – ухмыльнулся чиновник.

– Римскому? Не делайте этого! У меня жена, дети, мать с нищенской пенсией. Я все-таки хочу объясниться. Сами понимаете, что телефон не лучшее средство для конфиденциального разговора.

– Объясняться изволь со своей женой или любовницей, – повысил голос чиновник. – А мне доложишь, как положено, что собираешься дальше делать? Будешь платить или я закрою «Зодиак». На твое место с десяток других предпринимателей найдется.

– Это слишком круто! – взмолился Викентий Павлович. – Я буду у вас через пятнадцать минут. Не возражаете?

– Ладно, приезжай, – лениво обронил начальник, довольный развитием диалога. «Только так надо строптивцев за жабры брать, а то возомнили себя слишком навороченными, не признают над собой никакой власти, – размышлял он, расхаживая по кабинету. – Я не допущу беспредела».

Зубач себя долго ждать не заставил. Спустя десять минут его долговязая, неуклюжая фигура предстала перед взором Савелия Игнатьевича. Он бросил ироничный взгляд на его длинные, как лопасти ветряной мельницы, руки, куцую голову в фетровой шляпе и худую гусиную шею. В серых глазах посетителя лихорадочный блеск. «А ведь, действительно, очень на гуся смахивает», – подумал Хлыстюк.

– Едва припекло, легок ты, однако на подъем, – сидя за

массивным столом, произнес хозяин. – Наверное, на “мерсе” примчался? Я на подержанной «Mazda» езжу, да и офис у тебя, наверное, роскошнее моей казенной берлоги. Не по чину живешь. Вижу вас, всех коммерсантов насквозь – бедолагами прикидываетесь, а валюту лопатой гребете, в швейцарские банки перекачиваете. Ни у кого голова о развитии города, о наполнении бюджета не болит. Все заботы на меня взвалили.

– Нет у меня ни «Mercedes», ни другой иномарки, на старом «Москвиче-412» езжу, – попытался парировать напор. – А вместо офиса обычная контора. Прибыли от торговли – кот наплакал, едва концы с концами свожу. С трудом на зарплату работникам наскреб, чтобы не разбежались. Мой «Зодиак» всего лишь год существует и не успел, как следует развернуться. Налогами задавили, ревизоры, контролеры, пожарные табуном набежали. Всех угощай и ублажай. Грабеж средь бела дня режут как курицу…

– Бери пример с олигархов – миллиардеров и миллионеров, если не слаб в коленках, – с иронией бросил реплику Савелий Игнатьевич.

– Для этого надо быть криминальным авторитетом или зятем президента с хватательными инстинктами без совести и чести. Им все доступно, тот же Никопольский завод ферросплавов, Арцизский трубный завод или гиганты металлургии и другие крупные предприятия, созданные трудом миллионов людей многих поколений, захватили мошенники, –

вздохнул Зубач. – К таким лакомым кускам, прихваченным аферистами криминальных кланов, нас простых смертных, на пушечный выстрел не допустят. Там своя мафия, свой клан. Себе – несметные богатства, а миллионам обездоленным гражданам – жалкие ваучеры и крохи с барского стола. Алчного и бездарного «гаранта» за все страдания и беды народа следовало бы, как Чаушеску, под трибунал, к стенке вместо гарантий неприкосновенности. В лучшем случае его место у параши …

– Кончай пропаганду, демагогию! Прекрати крамольные речи, здесь тебе не митинг, не место для агитации. Не нравиться, вали за бугор! Нашелся мне революционер, обличитель мафии и коррупции. За такие речи тебя в каталажку! Как ты смеешь осуждать нашего всенародно любимого гаранта и его родню?! – вскипел Хлыстюк. – Это клевета, подрыв авторитета, оскорбление чести и достоинства. Жаль, что на диктофон тебя не записал. Может, повторишь и мигом загремишь на нары…

– Невозможно подорвать то, что уже давно подорвано, – убавив пыл, возразил Викентий Павлович. – Его популярность среди простых граждан самая низкая. За годы бездарного правления довел, некогда самую процветающую республику, до полного разорения. Поэтому десять миллионов граждан, подобно цыганам, разбрелись по всему свету в поисках лучшей доли и работы, ради выживания.

– Ты договоришься, что сам пойдешь под трибунал, –

угрожающе произнес чиновник и властно заявил. – Я лишаю тебя права голоса.

– А как же провозглашенные на весь мир демократия, гласность, свобода слова? – опешил Зубач.

– Запомни, у кого больше прав, у кого реальная власть и большой капитал, тот и прав. Так есть и так будет всегда. И довольно плакаться в жилетку,– поднялся из-за стола Хлыстюк. – Всем тяжело. У меня нет времени ждать, когда твоя курица начнет нести золотые яйца. Боюсь, что они протухнут. Городская казна пуста, а на пороге зима. Надо закупить топливо, газ, расплатиться за потребленную электроэнергию, иначе лимиты урежут до предела. Мне бы, Викентий Палыч, твои заботы. Тебя не достают каждый день учителя, медики, пенсионеры, ветераны, не угрожают забастовками и голодовками. Моему положению не позавидуешь, чувствую себя, как в камере смертников.

– Не держался бы за кресло, – невольно вырвалось из уст мужчины. В следующий момент пожалел. Увидел, как Савелий Игнатьевич побледнел, к пухлым щекам прилила кровь. Он резко поднялся с кресла и угрожающе надвинулся на посетителя, процедил сквозь зубы:

– На кресло мое польстился? Все думают, что здесь медом мазано, что кресло мягкое, да жестко на нем сидеть. Ты посиди, посиди, попробуй, охотно уступлю. Может, геморрой себе высидишь.

Чиновник дотянулся до плеч Зубача и решительно подвел

его к креслу. Тот испуганно, как упрямый бычок, упирался, что-то бормоча себе под нос. Наконец прорвалась внятная речь.

– Савелий Игнатьевич, простите великодушно, язык – мой враг, я не желал вас обидеть. Не надо мне ваше кресло, сидите на нем, хоть сто лет…

– Нет, нет, ты посиди, коль напросился. Может, прозреешь, ума наберешься, узнаешь почем фунт лиха? – настаивал начальник, таки усадив предпринимателя в кожаное с высокой спинкой кресло. Зубач, мотая по сторонам головой, ерзал на кресле, словно его, как смертника, усадили на электрический стул.

– Савелий Игнатьевич, пошутили, и будет! – взмолился коммерсант, намереваясь встать, но начальник придавил его за плечи.

– Сиди и слушай. Значит, предлагаешь мне дезертировать? – подступил он вплотную.– Это заговор, меня на мякине, как воробья, не проведешь. Вы, коммерсанты, гниды, сознательно скрываете прибыль, саботируете мои распоряжения. Для вас, чем хуже, тем лучше. Со злым умыслом, с дальним прицелом действуете, чтобы дискредитировать меня, вызвать недовольство горожан и на следующих выборах меня с треском прокатить. Не так ли? Колись! Вам нужен покладистый начальник, чтобы из него можно было всем, кому не лень, веревки вить. Моя твердость характера и требовательность вам не по нутру. Напрасно хлопочите, ничего не

выйдет, всех скручу в бараний рог!

Он вошел в раж, явно переигрывая роль. В голосе угрожающе звенел металл.

– Побойтесь Бога, Савелий Игнатьевич, у меня и в мыслях такого не было, – тщетно оправдывался Зубач, освободившись от кресла, как от проказы. – Какой заговор? Впервые слышу. На революционные перевороты я неспособен.

Хлыстюк вдавил кнопку на пульте селекторной связи и вызвал начальника налоговой инспекции.

– Аза Марковна, какова ситуация с поступлением налогов и других платежей от МЧП «Зодиак»?

– Вчера погасили задолженность, – услышал он усталый женский голос. – Хуже ситуация с выплатой налогов по платным автостоянкам, АЗС, казино. Направила группу сотрудников вместе с работниками налоговой милиции. Изучают финансовую документацию. Как только разберемся, сразу доложу.

– Разбирайтесь быстрее. От МЧП «Зодиак» сотрудников пока отзовите. Похоже, что директор Зубач сделал правильные выводы, начал исправляться, – велел чиновник и обратился к присмиревшему посетителю. – Викентий Палыч, человек ты, не глупый, понятливый. Твое счастье, что все-таки начал погашать долги. Смотри, чтобы мимо кассовых аппаратов не шла реализация товаров по бартеру и за аренду исправно плати. Не жадничай и запомни, что скупой платит дважды. У тебя сколько магазинов?

– Пока три. Если дела пойдут в гору, то планирую еще два к курортному сезону открыть, – размечтался Зубач.

– Открывай, мешать не буду, даже ленточку на презентации перережу, но и ты гляди, моего советника Каморина не обижай, прислушивайся к его мудрым советам. Он не столько мой, сколько наш общий советник, – строго приказал Хлыстюк. – Человек полезный и решительный, в трудную минуту всегда поможет, готов охранять твою фирму от бандитов. Хорошенько подумай над его ценными предложениями.

– Да я завсегда готов, – согласился Викентий Павлович. – Но и мое положение понять следует. Много средств ушло на ремонт, аренду помещений, большие транспортные и иные расходы, так что помилосердствуйте … Может льготы предоставите, чтобы не резать курку, способную нести золотые яйца?

– Каждый день я слышу плач и стоны бедного Моисея. Нарушать закон не буду и никому не позволю. Твое МЧП – не благотворительная фирма, поэтому льготы не положены, – ответил начальник. – Проявляй предприимчивость, чтобы не вылететь в трубу, а главное – не будь скрягой. Надеюсь, ты меня хорошо понял? Повторять не придется?

– Не придется, – нехотя произнес директор.

– Тогда выпей минералки, коньяк по бедности нашей не водится, – предложил Савелий Игнатьевич и налил воду из графина в стакан. Зубач жадно выпил и вытер ладонью вспо-

тевший лоб.

– Вот так всегда, просится посетитель на пять минут, а убил я на тебя полчаса, – пожурил его Хлыстюк. – Не ценишь ты чужого времени, а оно у меня на вес золота.

– Простите, Савелий Игнатьевич, – директор поднялся со стула и направился по мягкому паласу к двери. Спиной ощутил пристальный взгляд и обернулся.

– Викентий Павлович, я слышал, что ты большой любитель, мастак поговорок, прибауток? – насмешливо спросил чиновник. – Вспомни-ка, как ты давеча по пьяной лавочке, насчет гуся, который свинье не товарищ, обмолвился. Гусь, так это понятно кто, а свинья?

– Значит, заложил меня Каморин, донес, – виновато признался Зубач. – Невольно с языка сорвалось. Простите великодушно …

– Чтобы впредь не срывалось, надо меньше пить в рабочее время, – изрек Хлыстюк. – Тогда и язык будешь держать за зубами. Или в ИВС на пятнадцать суток захотелось?

– День рождения был у жены.

– Дома бы и отметил, а не на работе. Совсем распустились, никакого порядка. Дурной пример подаете своим подчиненным. Банкеты-фуршеты устраиваешь, а передо мной изображаешь из себя сирого и убогого. Как не стыдно в глаза пыль пускать?

– Бес попутал, – прошептал Викентий Павлович.

– Все, свободен, скатертью дорога! – приказал Савелий

Игнатьевич и отвернулся спиной к окну, поглядел на сквер. С высоких тополей облетала желтая листва и устилала ковром серые тротуарные плиты. Поздняя осень. Он возвратился к столу, вызвал секретаршу:

– Нина Петровна, срочного отправьте телефонограммы в акционерные и коммерческие предприятия и фирмы города, в банки на имя руководителей за моей подписью. Завтра в десять часов совещание. Регистрация в девять тридцать. Явка для всех обязательна без каких-либо уважительных причин. Нарушителям грозят штрафные санкции. Так и предупредите.

– Будет сделано в срок, – улыбнувшись, ответила женщина и поспешно вышла в приемную.

3. В ряды патриотов

Совещание было обставлено в лучших традициях прошлого времени. В просторном фойе была развернута фотовыставка, организована торговля – бутерброды, кондитерские изделия, кофе, бульон и другая продукция и напитки. Рядом лотки с книгами, журналами, газетами и канцелярскими принадлежностями.

Заседание началось с опозданием на пятнадцать минут, что было в традициях местного градоначальника, поскольку демонстрировало его кипучую занятость неотложными делами государственной важности. Приглашенные коммерсанты скопились в актовом зале. Вскоре туда вошли мэр Хлыстюк, начальник милиции подполковник Яцук, прокурор Вязов и редактор газеты «Курьер» Черенок. Они прошли за длинный стол в президиум.

Савелий Игнатьевич окинул быстрым взглядом в разноцветных одеждах публику, дождался, когда затих шум. На галерке места были заняты, а на передних рядах пустовали.

– Не густо, – помрачнел Хлыстюк и сурово приказал. – Прошу живо занять передние ряды. Каждая секунда на счету. Привыкли прятаться за чужими спинами. Кое-кто из мужчин нехотя пересел с галерки на передние ряды.

– Я вижу, не все откликнулись на приглашение. Может,

от сытости жиром уши заплыли? – с упреком продолжил он. – С теми, кто проигнорировал, я разберусь, персонально, снисхождения не ждите. Конечно, для многих из вас время – деньги, но я собрал не на посиделки, а чтобы обсудить серьезные проблемы и задачи.

С красной папкой в руке Савелий Игнатьевич – грудь колесом, с горделиво-барственной осанкой взошел на трибуну, на которой был начертан городской герб – Грифон – диковинный зверь с клювом птицы и ключ. Хлыстюк отпил из стакана воду, глубоко вздохнул, расправил плечи.

– Итак, господа предприниматели, банкиры, коммерсанты, менеджеры, брокеры и дилеры…

– …и киллеры-ы, – прошелестело в зале.

– Надеюсь, среди вас таковых нет, – быстро отреагировал он на реплику. – А вообще подобные шутки здесь неуместны. Это не воровская сходка, а мероприятие, важнее прежних совещаний партийно-хозяйственного актива. Прошу тишины и внимания. Все вы, живущие в нашем славном городе, должны быть его пламенными патриотами. В условиях острого социально-экономического кризиса мы обязаны позаботиться о пополнении городского бюджета. Поэтому я принял решение о создании внебюджетного фонда для благоустройства города, парков, скверов, улиц, установки памятников и для социальной защиты малоимущих граждан. Город, словно саранча, заполонили бомжи, нищие и беспризорники.

С этим пороком надо решительно бороться, иначе неизбежна вспышка инфекционных, в том числе венерических, заболеваний. Вы, господа предприниматели, представители среднего класса, среди вас прячутся и крупные бизнесмены, должны осознать критическое положение пенсионеров, ветеранов войны и труда, а их в городе треть от общего населения, учителей, медиков, работников культуры, инвалидов, которые месяцами не получают пенсии, пособия и зарплату.

Они учат ваших детей, лечат стариков и наш гражданский долг не оставить их в беде. Больше всего денег вращается в сфере банковского дела, в топливно-энергетическом комплексе, в торговле ликероводочными и табачными изделиями. Именно там работает большинство из вас, поэтому вы обязаны по законам чести и совести внести свой вклад в фонд поддержки.

– Мисту потрибна допомога, але на ривных для всих громадян умовах, – неожиданно поднялся из центра зала высокий худощавый мужчина с рыжими пышными усами.

– Кто такой? Живо отвечай! – вместо ответа с раздражением окликнул его Хлыстюк.

– Мыхайло Дробына, президент фирмы «Наталка».

– Ишь ты, туда же, президент, наверное, над своей бабой Наталкой-полтавкой, – ухмыльнулся Савелий Игнатьевич. По залу прокатился смех, а оратор, довольный реакцией, продолжил. – Слишком много президентов развелось, как тараканов, а я один за всех отвечай. Перед учителями,

которые устраивают пикеты и трезвонят под окнами, перед голодными пенсионерами, гремящими пустыми кастрюлями. Ты пан Дробына, не будь скотиной, пока помолчи, я доклад закончу, тогда скажешь свое драгоценное слово.

Докладчик, перелистывая страницы, называл шестизначные цифры недоимок по платежам в бюджет, долги по оплате жилищно-коммунальных услуг, клеймил позором руководителей предприятий и фирм – должников.

– Пудовыми гирями висят долги за использованную электроэнергию, газ, воду. Малоимущие граждане не имеют возможности погасить эти долги, а предприниматели чувствуют себя вольготно – скрывают реальные доходы, занимаются бартерными операциями. С таким положением дел мириться не намерен. Поручаю прокуратуре, милиции, нашей свободной прессе серьезно и глубоко разобраться с нарушителями налогового законодательства. Наказать по всей строгости закона и результаты обнародовать в газетах, на телевидение и радио.

– Я всегда выступал и выступаю за диктатуру закона, перед которым все равны, – подал голос прокурор Вязов.

– В сфере экономики и в банковском деле не все чисто, – поддержал докладчика подполковник милиции тучный, как мешок овса, Яцук. Он густым басом грозно предупредил.– Всех барыг, жуликов и прочую нечисть выметем поганой метлой, а кое-кого отправим по этапу за «колючку» дегустировать казенные харчи.

– Скоро в газете «Курьер» появится новая рубрика «Они преступили закон», – с энтузиазмом пообещал редактор Черенок.

– Я рад, что меня так горячо поддерживают наши силовики и журналисты, что я не одинок в стремлении навести в городе элементарный порядок, – с удовлетворением произнес Хлыстюк, и с оптимизмом заключил. – Надеюсь, что все сидящие в этом зале, страстно желают быть патриотами, не на словах, а на деле. Со временем на базе нашего единства можно будет создать партию. Грядут очередные выборы и для нас исключительно важно не только сохранить, но и укрепить свои позиции. Против этого, я думаю, никто не будет возражать. Давайте не митинговать по пустякам, а, засучив рукава, до седьмого пота работать на благо родного города. Кто «за»!

Он, окинув придирчивым взором зал, в котором поднялось чуть больше половины рук присутствующих, и недовольно крикнул:

– Почему не вижу леса рук! Это, что оппозиция, саботаж, заговор?

– Савелий Игнатьевич, почему к коммерсантам неодинаковый, избирательный подход? – послышался голос с галерки.

– Что вы имеете в виду? – насторожился чиновник.

– А то, что ряд фирм и магазинов, АЗС, автостоянок и других объектов коммерческой деятельности, опекаемые

неким господином Каморинымъ, имеют большие льготы, а других душат налогами, поборами на разные общегородские мероприятия, не позволяют развернуться? НДС, акцизный сбор, различные налоги и платежи, а теперь еще создаете какой -то новый фонд, подобный «Рогам и копытам» – новая кормушка для чиновников-бюрократов.

– Льготы предоставляем фирмам, которые занимаются благотворительностью, милосердием и развитием спорта, помогают малоимущим старикам, инвалидам, детям! – с пафосом ответил докладчик.– Мы обязаны быть чуткими к обездоленным и убогим. А за подозрения о «Рогах и копытах», за публичную клевету впредь ответите по закону.

– Знаем мы эту блохотворительность, – недоверчиво отозвался оппонент. – Милосердия на копейку, а выгоды на десятки тысяч долларов. «Крыша» у этих фирм, вот и весь секрет их процветания…

– Чем вы недовольны, гражданин? Как вас там? Почему воду мутите? – повысил голос Хлыстюк. – Под какой крышей? Для всех одна крыша – закон! Кстати, нужны деньги и на ремонт крыш, которые, как решето, на водопровод и канализацию. Если не нравится, покиньте зал, но потом не обижайтесь. Нам здесь не нужна овца, которая все стадо норовит испортить.

– Мы не стадо, а ты не пастух, – донеслось с задних рядов. Мэр понял, что перегнул палку с ярким сравнением. Чуть поостыв, он продолжил: – Не советую становиться в

позу обиженного, а надо каждому работать в поте лица своего, без выходных и праздников. Берите пример с господина Зубача, директора фирмы «Зодиак». Вначале он тоже не понимал нашу политику, вел себя, как слон в посудной лавке. Поговорил я с ним по душам и человек прозрел без всяких розовых очков. Верно, я говорю, Викентий Палыч?

Хлыстюк сделал паузу, надеясь услышать подтверждение.

– Что ты молчишь, как сыч, словно воды в рот набрал или лишился дара нормальной речи?

– Городу, его жителям, конечно, надо помочь. Но только городу, а не … – потупился Зубач.

– Ты, Викентий Палыч, договаривай, не тяни кота за хвост, не темни, – придавил его взглядом Савелий Игнатьевич. – Что ты себе там под нос бормочишь. У нас же гласность, демократия, орел ты наш сизокрылый. Ну-ка, излагай претензии ты же мастак правду-матку рубить сплеча. Аль сто граммов надо для храбрости?

Все дружно рассмеялись сравнению Зубача с орлом, так как к нему давно прилипла кличка Гусь. Он стушевался, втянул голову в сутулые плечи и спрятался за спиной упитанного банкира. Мэр, довольный произведенным эффектом, отыскал в зале президента фирмы «Наталка»:

– Пан Дробына, ты еще не поплакался в жилетку. Давай валяй, пока я добрый, разводи сырость.

– Ни, не трэба, – отказался тот, чтобы не разделить участь строптивого предпринимателя.

– Если никто не желает душу излить, тогда я советую каждому сделать выводы из моего доклада, – велел чиновник. – Не сочтите за угрозу, но те, кто откажется поддержать наш фонд, будут лишены лицензий. Дело, конечно, добровольное, но не заставляйте меня прибегать к крайней мере. Координатором по всем вопросам коммерции и создания фонда я назначаю своего советника Каморина Игоря Глебовича. Будь добр, покажись господам бизнесменам.

Советник поднялся. Суровое, беспристрастное лицо, плотная, словно налитая свинцом, фигура под кожаной курткой – крутые бицепсы.

– Игорь Глебович – мастер спорта по боксу и восточным единоборствам. Да и ребята в его группе под стать тренеру, без призов на турнирах не остаются, в обиду себя не дают, всегда достигают намеченных целей. Игорь Глебович, несмотря на большую занятость, любезно согласился подставить свое крутое плечо под общее дело. Прошу любить и жаловать, не перечить ему в благих действиях.

– Не надорвется ли тренер от лишних забот? – бросил реплику мужчина, давеча затронувший тему о льготах для избранных фирм.

– Выдюжит, не белоручка, как некоторые, ждущие манны небесной, – ответил Хлыстюк. – У него крепкие, надежные помощники. Он их сам воспитал, в люди вывел.

Многие из предпринимателей, сидящих в зале, уже имели честь пообщаться с тренером, поэтому его новая должность

не вызвала у них прилива радости. В предчувствии очередных “душевных” встреч на их лица наползла тень.

– Савелий Игнатьевич, вы сказали, что у нас демократия и гласность? – придя в себя, интригующе спросил Зубач.

– А ты, Викентий, похоже, сомневаешься, – с настороженностью заметил мэр. – Гляжу, отстал от жизни, газет не читаешь, телевизор не смотришь, только одно на уме, как бы побольше прибыли урвать, от налогов утаить. Всех аферистов на чистую воду выведу.

– Если у нас гласность и демократия, то у меня есть конкретное предложение, – Зубач, глядя на Савелия Игнатьевича, выдержал паузу.

– Валяй, – снисходительно разрешил он.

– Пусть фонд городского имущества опубликует в газете списки лиц, ставших владельцами крупной недвижимости, магазинов, банков, ресторанов, баров, автостоянок, АЗС и других объектов недвижимости, коммунальной собственности и прочих материальных ценностей. Горожане вправе знать, на каких условиях, состоялись ли аукционы, и за какие средства приобретен тот или иной объект. Сколько средств попало в городскую казну, а сколько в карманы чиновников? Кто, действительно, честно занимается бизнесом, а кто мошеннически за смешную цену или бесплатно прихватил государственное имущество в лучших местах города. И все это келейно, без широкой гласности за взятки чиновникам. Ведь на аукцион выставляют непривлекательные, убогие объек-

ты…

– Верно, говорит, угодил в самое “яблочко”, – услышал Зубач за спиной одобрительный голос. По залу прокатился глухой рокот – признак смятения в умах.

– Ишь, чего захотел. Много будешь знать, быстро в трубу вылетишь, – вспылил докладчик, не дав ему договорить. – Ты, на какие действия меня подбиваешь? Хочешь посеять в городе смуту, бунт, новую революцию, чтобы бедные и нищие с топорами, вилами и косами пошли на богатых, коммерсантов и бизнесменов? Тебе печальная слава Степана Разина, Емельки Пугачева и Ленина, Троцкого спать не дает? Ты же первым и пострадаешь. Голодная и пьяная толпа революционеров разнесет твой «Зодиак» в пух и в прах!

– Я за закон и справедливость, – возразил Викентий Павлович.

– Не позволю, не допущу анархии! – с пафосом заявил Савелий Игнатьевич.– Есть коммерческая тайна, гласность тоже имеет разумные границы. Достаточно того, что я и мой советник знаем всех владельцев и совладельцев, учредителей и соучредителей. Каждый у нас под контролем и будет платить в казну налоги, а если не захочет, то заставим. Для этого у нас есть налоговая милиция, прокуратура, служба безопасности.

В крайнем случае, отключим электричество, воду, канализацию, будете ходить на горшок, лишим лицензии и пустим с молотка здания и имущество. Есть много способов

заставить жить и работать по нашим правилам. Итоги приватизации, об этом говорят на самом верху, не подлежат пересмотру, кто не успел, тот опоздал. Я не допущу нового передела собственности, кровавых разборок и беспорядков в городе.

Тот, кто в политических целях посеет ветер, пожнет бурю, будет ею сметен. А тебя, Викентий, и других недовольных и строптивых бунтарей, злопыхателей предупреждаю, не мутите воду, не играйте с огнем. Он может кое-кому опалить не только крылья, но и яйца поджарить…

– Я работаю честно, никому не должен, – на публике осмелел Зубач. – Слишком много «липовых» фондов и контор развелось.

– Не должен? Странно, значит, очень скоро появятся долги, – пообещал Хлыстюк.

– Савелий Игнатьевич, я за то, чтобы для всех предпринимателей были установлены не на словах, а на практике единые правила игры, чтобы госчиновники не занимались коммерцией, а силовики не кошмарили бизнес. Им законами о государственной службе и борьбе с коррупцией запрещено вымогать взятки, – неожиданно осмелев, не унимался Викентий Павлович.

– Ты на что это намекаешь? Может, это я занимаюсь подпольным бизнесом и беру взятки или сотрудники мэрии?! – повысил голос хозяин. – У меня каждый день болит голова о том, чтобы горожанам, пенсионерам и ветеранам жилось

лучше, а ты думаешь о личной выгоде. «Золотой телец» вам всем застит глаза. Надо быть выше меркантильных своекорыстных интересах, следует думать о ближних.

Вот мы с Камориным на днях и проверим, какие вы патриоты, как печетесь о ближних или кто готов удавиться из-за копейки. Никто не думает о закупках мазута, газа на зиму, а значит, придется заготавливать дрова и покупать печки – буржуйки. За все надо нынче платить, на то они и рыночные, а не базарные, отношения.

Импульсивный Зубач, чувствуя поддержку зала, попытался продолжить дискуссию, но Савелий Игнатьевич остановил его властным жестом руки.

– Скажи, откуда ты, такой упертый взялся, кто по жизни?

– Как, оттуда? – опешил Викентий Павлович. – Откуда и все, а по жизни я человек, субъект предпринимательской деятельности, значит СПД.

– По жизни ты – батрак, а по менталитету – барыга, – перебил его мэр. – Запомни, рожденный ползать, летать не может.

– Получается, что вы один орел, ястреб, а все пресмыкающиеся, – опрометчиво возразил Зубач и увидел, как побагровело лицо хозяина.

– Довольно, излил душу и будя. Твое время по регламенту исчерпано. Много говоришь и все впустую, сплошная демагогия, ни одного конкретного предложения. Критика ради снобизма и дешевой популярности. Пошел вон, гнида! –

сорвался Хлыстюк на крик.

Викентий Павлович увидел, как к нему стремительно направился охранник Бакаев, готовый силой выставить за дверь. Он не стал испытывать судьбу и с поникшей головой пошел к выходу, услышав за спиной грозный рык.

– Кто еще желает правду-матку резануть? Так будет с каждым, кто не умеет себя вести в приличном обществе, – предупредил мэр. – Как говорят, баба с воза – кобыле легче.

К горлу Зубача подступил ком, душили спазмы обиды от этой публичной порки, но он взял себя в руки, осознав беспомощность.

Когда за ним закрылась дверь, Хлыстюк, довольный произведенной экзекуцией, угрюмо-злым взглядом провел по лицам собравшихся и в назидание добавил. – Я должен знать всех недовольных и обиженных в лицо. Гласность, по-моему, хороша тем, что она высвечивает нутро человека и словно рентген выявляет его непомерные наполеоновские амбиции, манию величия и непогрешимости. На следующее совещание я обязательно приглашу врачей-психиатров.

Пусть внимательно понаблюдают за аудиторией, возможно, отыщут для себя немало пациентов. Подобные больные, считая себя совершенно здоровыми, обычно никогда не обращаются за помощью. Доводят себя до такого критического состояния, когда применение смирительной рубашки и успокаивающих инъекций неизбежно.

Перевел дыхание и спросил у главного архитектора:

– Сосновый бор, что у мыса Ак-Бурун, входит в границы города?

– Обязательно, – ответил зодчий.

– Куда смотрят работники комбината по благоустройству и озеленению, санэпидстанции, экологической инспекции? Почему любители пикников загадили сосновый бор? Нормальному человеку негде ступить, везде «мины».

– Так это «поляна пикников и любви», – сообщил кто-то из знатоков пристрастий местной богемы.

– Даю три дня для наведения порядка, – велел мэр директору зеленхоза.

– Канатчикова дача, – послышался чей-то насмешливый голос.

– А вы не смейтесь, это серьезное заболевание, нередко провоцирующее суицид, – упрекнул Савелий Игнатьевич. – Будьте сдержаны и терпеливы, когда я говорю. Здесь юмор не уместен. Так вот Зубач, кажется, возомнил себя пророком, пупом земли, владеющим абсолютной истиной, так сказать, в последней инстанции. Над ним, мол, нет никаких начальников, как в песне: сам себе командир и начальник штаба. Не бывать этому произволу, пока я при власти. Ну, что господа или паны коммерсанты, акулы и пескари бизнеса, есть еще краснобаи и демагоги, любители почесать языком?

Он медленно обвел их пристальным взглядом и продолжил, войдя в административный раж:

– Я тоже силен в риторике, однако не упражняюсь в крас-

норечии, не выпендриваюсь, как некоторые из вас. Иной, сколотивший жалкие гроши, считает, что он пуп земли, кум королю. Так не пойдет, такого жлобства и хамства не потерплю.

– Регламент, сам не нарушай регламент! – послышался возглас из задних рядов.

– У меня свой регламент. Сколько хочу, столько и говорю для пользы нашего общего дела. И никто из вас, барыг, мелких лавочников, мне не указ! – властно изрек Хлыстюк.

Возразить ему больше никто не отважился. Все сидели притихшие, понурив головы, стыдясь смотреть в глаза друг другу. «Станешь рыпаться, того и гляди, пострадаешь, – решило большинство из них. – Все равно, выше головы не прыгнешь. Для этого необходима поддержка в верхах и надежная «крыша».

Но в коридоре, подальше от глаз начальника и его услужливых информаторов, несколько человек по-дружески пожали руку Зубачу.

– Срочно опубликуй солидный материал о совещании на первой странице с моим портретом! – приказал Савелий Игнатьевич редактору. – В жестком, деловом стиле, пропесочь Зубача и Дробыну, чтобы другим было неповадно, а читатели знали, что у меня болит сердце о благополучии города. Надо закручивать гайки.

– Так точно, репортаж, отчет в завтрашнем номере, – подобострастно склонив облысевшую на темени голову, Чере-

нок плаксиво попросил. – Савелий Игнатьевич, подбросьте деньжат из бюджета, бумага на исходе, придется сокращать периодичность выпуска или, как «Искру» печатать на папиросной или туалетной бумаге.

– Я те сокращу, хватит ныть! – осадил его Хлыстюк. – Отлично изучил твою гнусную натуру, ты в любую щель без мыла пролезешь, перед любым прогнешься. На халяву звание «заслуженного» выклянчил. Или может, тебе кресло редактора надоело?

– Нет, не надоело, – отпрянул в сторону Черенок.

– Тогда исполняй мои приказы.

Подобострастно склонив голову, редактор вскоре исчез за дверями. Попрощавшись с Вязовым и Яцуком, Хлыстюк пригласил советника.

– Ну что, Игорек, поддал я им жару. Чешут затылки «денежные мешки и жирные коты», – произнес он самодовольно. – Разбежались по своим норам, как корова языком слизала. Поглядим, какой будет эффект. Теперь у тебя большие права, действуй решительно, напористо и настойчиво, силу уважают. Займись теми, кто проигнорировал совещание. Узнай, кто стоит за типом, который о какой-то «крыше» языком трепал? Если упрется рогом, то живо прикроем его лавочку, пусть идет на все четыре стороны. Вплотную займись созданием фонда. К выборам у нас должен быть солидный капитал, чтобы чем-то избирателей, нищету ублажить.

Время голодранцев-демагогов прошло, только большие

деньги приводят к власти. Люди по горло сыты обещаниями, второй раз на эту приманку не клюнут, нужные новые, оригинальные идеи и технологии для создания моего положительного имиджа.

4. Встреча главспеца

Расстались они ни надолго – в полдень Хлыстюк по мобильному телефону связался с Камориным:

– Игорек, неприятная новость. Мой старый приятель из главка сообщил, что сегодня к нам прибудет по жалобе гость из столицы. Мужик дотошный, вредный и въедливый, как соляная кислота.

– Значит, к нам едет ревизор. Дождались.

– Будь на то моя воля, я бы всех этих ревизоров, контролеров, проверяющих и шныряющих дармоедов, мешающих работать, к ногтю и в расход! – в сердцах произнес Савелий Игнатьевич.

– Он, что же из КРУ или из ОБЭП?

– Из Совета министров, а это, как противотанковая мина. У меня с премьер-министром республики натянутые отношения. Не исключено, что именно он и копает, что освободить место для верблюда из своего каравана. Если рванет эта мина, то взлетим в воздух с потрохами. Чтобы его обезопасить, придется тебе взять на себя функции сапера. А сапер, как известно, ошибается один раз в жизни. Но сначала придется сыграть роль сутенера. Полагаю, что справишься, не боги горшки обжигают. Поэтому максимум бдительности и осторожности. Мы обязаны отвести от себя опасность.

– У меня, босс, богатый опыт разминирования и через это минное поле пройдем без потерь. Да, и с бабами, были бы бабки, смогу договориться, – заверил советник.

– Тогда Бог не выдаст, свинья не съест. За валютой дело не станет.

– Какие у ревизора цели? Что-нибудь серьезное?

– Нашлись в городе правдолюбцы, а точнее, завистники, злопыхатели, а может и конкуренты. Состряпали жалобу, обвинив меня во всех смертных грехах. Вот и направили чиновника, чтобы разобрался на месте и доложил премьеру. А тому, был бы удобный повод, чтобы выбить из седла.

– Кто он, что за персона?

– Мелкий клерк по фамилии Райков, – ответил Савелий Игнатьевич. – Из управления по работе с письмами и заявлениями граждан. Я навел справки. Невелика птица, но способна, как тот с красивым оперением удод, сильно гадить. Из принципиальных, неподкупных чиновников. Оказывается, еще не перевелись на свете такие чудаки.

Возьмешь под жесткий контроль каждый его шаг. Загляни ко мне на часок, сообща подумаем, покумекаем, с какими почестями встретить гостя, будь он неладен, очередная напасть на мою голову. Неплохо было бы установить автора жалобы, чтобы искоренить, огнем выжечь эту заразу. Иначе пустить метастазы и, как эпидемия поразит всех коммерсантов. Начнут писать «телеги» во все инстанции, вплоть до президента. Тому, моча в голову ударит, и натравит силови-

ков. Тогда уж точно, пиши, что пропало, вылетим в трубу…

Когда гость из южной столицы – импозантный, высокий, стройный мужчина, лет тридцати семи от роду, в бежевого цвета плаще с кожаным «дипломатом» в руке, вошел в кабинет, Хлыстюк, советник и другие бюрократы были наготове.

– Андрей Захарович Райков, главный специалист управления Совмина по работе с письмами и заявления граждан, – представился гость.

– Чем обязан такой высокой чести? – заискивающе спросил Савелий Игнатьевич.

– Моя миссия не из самых приятных, но весьма необходимых, – произнес он. – На вас, Савелий Игнатьевич, поступила жалоба.

– Жалоба?! Ну и что с того? На кого теперь не поступают «телеги»? Народ озлоблен, считает, что во всем чиновники виноваты, в том числе и мы с вами. Всем не угодишь, сколько людей, столько и шкурных интересов. Не пишут жалобы на тех, кого не видать, кто прячется, как мышь, – усмехнулся Хлыстюк. – На меня жалуются потому, что работаю, как вол, не покладая рук. Поэтому пытаются еще нагрузить поклажей. Кто тянет лямку, тому еще и норовят, как тяжеловозу, груз подбросить и настроение отравить. Вот, если бы баклуши бил, то все были бы довольны.

– Мне поручено разобраться и доложить по инстанции для соответствующей реакции руководства.

– Эх, Андрей Захарович, вы бы приехали к нам отдох-

нуть, покупаться в море, порыбачить, тройной ухи откушать, позагорать на пляже. Шампанское, коньяк, красивые юные грации, а не заниматься грязными анонимками, кляузами, – посетовал хозяин кабинета. – Не к лицу вам эта рутинная, ассенизаторская работа. Молодой, симпатичный мужчина и вынуждены убивать время на всякую мелочь, рыться и дышать архивной пылью.

– Я, как и вы, госслужащий, обязан выполнять задание в строгом соответствии с законом о работе с письмами, заявления и предложениями граждан, – сухо возразил гость.

– Как это скучно, – прикрыв рот ладонью, зевнул Савелий Игнатьевич. – Я тоже госслужащий пятого ранга, повыше вашего, однако не кичусь этим, лоб от усердия не расшибаю. Во всем должна быть мера, здравый смысл, а не слепое служение по уставу или директиве. Позвольте, хоть краем глаза взглянуть, что там обо мне насочиняли? Живешь и не знаешь, как выглядишь со стороны, что о тебе другие думают, гадают, какими обидными словами незаслуженно обзывают?

– Конечно можно,– Андрей Захарович, щелкнув замками, открыл крышку кожаного «дипломата».

– Минуточку, я представляю вам своего советника. Знакомьтесь, Игорь Глебович Каморин. Он на время пребывания в командировке обеспечит вам комфорт и уют, культурную программу, чтобы остались самые приятные и яркие впечатления.

– К вашим услугам, маэстро, – советник слегка привстал

со стула и вальяжно подал руку. – Не скромничайте, предлагайте мероприятия для культурного отдыха. А работа – не волк, в лес не убежит..

– Я вас не обременю заботами, привык к спартанскому образу жизни, – признался главный специалист. – Похлопочите об отдельном номере в гостинице, чтобы никого не подселяли и я мог спокойно поработать с документами.

– Нет проблем, закажу самый лучший люкс-номер, как для самого дорогого гостя, – ответил Хлыстюк и поинтересовался. – Вы к нам надолго пожаловали?

– Надеюсь за три дня управиться. Предстоит изучить учредительные документы нескольких акционерных и коммерческих фирм, систему налогообложения, финансовые дела и если удастся, то встретиться с автором жалобы, прокурором и начальником милиции.

– Да, серьезный подход к делу, – похвалил Савелий Игнатьевич. – Вам с таким объемом работы самому нелегко будет справиться. Я дам вам двух-трех добросовестных, грамотных специалистов, быстро наберут текс и распечатают на принтере.

– Нет, любезно благодарю, – Райков, заботясь о сокрытии информации, отклонил помощь. – Для меня это дело не новое, уже не первый год занимаюсь подобными проверками, поднакопил ценный опыт. Объективности и справедливости ради, стараюсь вникать лично. Считаю, что каждый человек должен честно, достойно прожить дарованные Всевышним

годы. Таков мой принцип.

– Похвально. Мы с вами солидарны, можно сказать, единомышленники. И все же каковы результаты ваших прежних проверок? – вкрадчиво спросил Хлыстюк.

– Положительные. Возбуждено несколько уголовных дел по фактам коррупции, мошенничества, казнокрадства и нарушениям налогового законодательства. Два руководителя отстранены от должностей и находятся под следствием, – не без гордости сообщил Райков.

«С таким его усердием неминуемы большие неприятности», – подумал мэр, переглянувшись с советником. Оба натянуто улыбнулся:

– Вы, Андрей Захарович, по всему видно, очень ценный работник, на хорошем счету, премии, грамоты, почет и уважение…

– Вниманием начальства не избалован, но от честно выполненной работы получаю моральное удовлетворение.

– Только моральное? Значит, вы – идеалист и романтик. А, как же материальное поощрение, что же не имеет для вас значения?

– Для меня оно вторично. Зарплату получаю и то хорошо, на скромную жизнь вполне хватает.

– Деньги никогда не бывают лишними, – заметил Хлыстюк.– Жена, дети, а если еще и зазноба на стороне. Это мой поезд далеко ушел, а вы молоды, привлекательны, должны нравиться женщинам. Поэтому и материальный стимул

очень важен. Ведь деньги, сколько бы их не было имеют одно плохое, даже досадное свойство. Не так ли, Игорь Глебович?

– Да, они слишком быстро кончаются, – поддержал Каморин и оба дружно рассмеялись. Райков на их смех отреагировал едва заметкой улыбкой.

«Вот сухарь попался, как шланг, юмора, шуток не понимает, ничем его не расшевелить», – огорчился Савелий Игнатьевич и строго напомнил:

– Вы обещали показать жалобу.

– Ах, да, извините, увлекся, – замешкался главспец и подал написанный аккуратным почерком лист бумаги. Савелий Игнатьевич быстрым взглядом пробежал строчки. В жалобе сообщалось, «что в городе действует сеть торговых и увеселительных заведений, казино, ресторанов и баров, оформленных на подставных лиц и близких родственников, а фактическим их владельцем является Хлыстюк и другие приближенные к нему чиновники.

Данным фирмам он, используя служебное положение, обеспечил льготные условия. Они под видом благотворительных и спортивных фондов и фирм освобождены от уплаты налогов, либо платят по минимуму. В некоторых магазинах, пивбарах и т. д. реализация товаров осуществляется помимо кассовых аппаратов.

Неучтенная выручка, поборы с торговых точек, взятки поступают на банковские счета и в карманы мэра и его близкого окружения. Люди доведены до отчаяния. Учителя, меди-

ки, пенсионеры, ветераны войны и труда обречены на голод, болезни и вымирание. Смертность в городе в два с половиной раза превышает рождаемость. А в это время дорвавшаяся до власти верхушка жирует, предается утехам в салоне «Шик & Блеск» и других притонах. Требуем принять срочные меры. В противном случае обратимся к президенту – гаранту Конституции. Справедливость должна восторжествовать. Не называем имен из-за угрозы преследования. Группа справедливых товарищей».

– Группа товарищей, как под некрологом, – усмехнулся Хлыстюк. – Только напрасно, тщетно они хотят меня раньше времени похоронить. Не дождутся! Чего они испугались, ведь я за объективную критику благодарен, реагирую оперативно и справедливо, по совести и чести. В этой кляузе, что ни строчка, то клевета с целью подорвать авторитет, опорочить руководителя. Это ведь анонимка. Ни адреса, ни имен и подписей конкретных заявителей. Потому не подлежит рассмотрению. На меня давно кто-то зубы точит, нервы испытывает. Но я стою прочно, тоже не лыком шит, не дождутся отставки, только через мой труп.

Он перевел дыхание, пристально поглядел на Райкова и отчетливо предложил. – Я бы на вашем месте вынес решение о том, что факты, изложенные в анонимке, не подтвердились. Списал бы ее в архив, а еще лучше сжег, а пепел смел в корзину. Только время впустую потеряете. Побывайте нынче в любом городе. Кто сейчас депутатов, министров,

да нашего брата чиновника, любит? Никто! Каждый норовит кукиш сунуть, злость сорвать. Время такое, все кому не лень недовольны властью, называют ее режимом, будто живем в огромной зоне под надзором вертухаев..

– Савелий Игнатьевич, это ответственное поручение и я его выполню, – возразил главспец. – Это дело моей профессиональной чести, долг перед заявителями.

– Вы не красна девица и на вашу честь никто не покушается, – хмуро отозвался Хлыстюк и брезгливо подал жалобу советнику. – Отдай в приемную секретарю Нине Петровне, пусть снимет ксерокопию. Пригодится для служебного расследования.

– Нет, – ловко перехватил лист Андрей Захарович. – Мы так не договаривались. Проведете графологическую экспертизу, установите личность автора и начнутся для него гонения, это непорядочно.

– А разве порядочно обливать честного человека грязью? К тому же после вашего визита у нас должен остаться какой-нибудь документ? – заметил Каморин.

– Останется один экземпляр материалов проверки, – заверил главспец. – Жалобу я обязан проверить, даже ради того, чтобы не было новых заявлений в вышестоящие инстанции. Думаю, в ваших интересах, на этом уровне разрешить проблему, дабы заявители не стали бомбить заявлениями вышестоящие инстанции. Я наметил начать проверку с анализа финансово-хозяйственной деятельности администрации мэ-

рии, целесообразности использования бюджетных средств…

– Когда вы намерены приступить к проверке? – прервал его речь Савелий Игнатьевич.

– Прямо сейчас.

Хлыстюк бросил взгляд на циферблат электронных часов. Они зеленовато высвечивали 17. 33.

– Неудачно вы прибыли, через полчаса конец рабочего дня, – вздохнул хозяин кабинета.

– Я бы и рад пораньше, но дорога из Симферополя дальняя, – напомнил главспец.

– Андрей Захарович, зачем вам скучная и нудная возня с цифрами? – вздохнул мэр. – Есть кому шелестеть бумагами и дышать архивной пылью. Мои специалисты подготовят вам такие отчеты по любым вопросам, что комар носа не подточит. Сами убедитесь в том, что бюджетные средства используются эффективно для блага горожан. Не напрягайтесь лишний раз, берегите свой интеллект. Поверьте, никто из наших дорогих гостей не был разочарован итогами командировки. Вам она тоже запомнится надолго. Вместе с советником позаботились о культурной программе.

– Мне «липовые» отчеты не нужны, – твердо произнес Райков.

– Не «липовые», а достоверные, – с раздражением возразил Хлыстюк. – Вы, что же не доверяете, поверили клевете, кляузе?

– Не кляузе, а жалобе граждан.

– Ладно, хозяин-барин. Вы не мой подчиненный, поэтому не вправе приказывать. Но все же, должны соблюдать трудовое законодательство. Чиновник тоже человек и имеет право на полноценный отдых. Утро вечера мудренее. Завтра приступите, я соберу специалистов. Никаких возражений и препятствий не будет, все, как на духу выложим, – пообещал Савелий Игнатьевич. – А сейчас вам надо согреться, отдохнуть. Гостеприимство у нас на первом месте. Так что, уважаемый Андрей Захарович, не откажите в любезности, иначе обидимся…

– Благодарю, но …– смутился Райков.

– Никаких но, вы наш дорогой гость, а все остальное суета сует, – обезоружил его мэр и велел Каморину. – Там в холодильнике собери на стол, что Бог послал.

Затем вызвал секретаршу:

– Нина Петровна, ко мне никого не пускать, совещание. Минут через двадцать заварите кофе.

– Хорошо, Савелий Игнатьевич, – ответила женщина и многозначительно улыбнулась гостью, мол, не робейте, чувствуйте себя, как дома.

Райков чувствовал себя не в своей тарелке. Отказ от угощения усложнил бы отношения. А если остаться, значит, быть чем-то обязанным. И первый, и второй вариант его не устраивал, а третий он не мог придумать.

В комнате отдыха, что по соседству с кабинетом, куда его пригласил Каморин, на круглой поверхности стола – бутыл-

ка коньяка «Жан-Жак» и шведской водки «Абсолют», на блюдах осетрина, бутерброды с красной и черной икрой, лимоны, апельсины, раскрытая коробка шоколадных конфет и прочая снедь.

– Любезно прошу к нашему скромному шалашу, – хозяин широким купеческим жестом пригласил к столу. – Чем богаты, тому и рады. С этого, пожалуй, нам и стоило начинать знакомство. На высшем уровне ни одна встреча без банкетов и фуршетов, ланчей и шведских столов не обходится. А у нас вот на скорую руку дружеский ужин. Вижу, что проголодались, Андрей Захарович? Желваки задвигались, пошло выделение слюни…

– Я не голоден. По пути в селе Радостном, где горный родник, была остановка. Отведал чебуреков, выпил кофе, – сказал он.

– Знакомое, бойкое место, – отозвался Игорь Глебович. – Там, сказывают, крымский татарин лихо развернулся – целый торговый комплекс построил. Шашлыки, чебуреки, самса, лаваши…

Райков беспокойно ерзал. Ему явно не нравилась прелюдия нынешней командировки. Он обычно не любил и старался избегать застолий. Решил, что немного выпьет ради приличия, чтобы завтра со светлой головой заняться комплексной проверкой.

– Какой напиток предпочитаете? – прервал его размышления Савелий Игнатьевич.

– Миргородскую, минеральную воду.

– Шутник вы, однако, Андрей Захарович, – озорно рассеялся начальник. – Значит, у вас все в порядке с юмором. А я было решил, что вас желчь беспокоит. Воду будете пить из родника в селе Радостное или Тополевка, а у нас другая водичка и тоже целебная для настоящих мужчин. Надеюсь, что не страдаете от цирроза печени или язвы желудка, в прямом и переносном смыслах?

– Не страдаю, но извините господа, я спиртные напитки не употребляю. Разве, что по большим праздникам и то чисто символически.

– Так сегодня и есть большой праздник, – заявил советник.

– Какой, именно? – удивился Райков.

– Ваш визит в наш забытый Богом и людьми город, почитай, в глухую провинцию. Зачем жить, если не пить и не любить красивых женщин?

– У меня совершенно другая благородная цель – честно служить Отечеству, – ответил главспец.

– Так мы тоже, патриоты, честно служим Отечеству, – произнес Хлыстюк и напомнил о песне советской эпохи: – Раньше думай о Родине, а потом о себе. Но не следует забывать о земных радостях и удовольствиях, ибо существуют ли таковые в том загробном мире, никому неизвестно. Никто оттуда еще не возвратился.

– Я бы выпил, но возможно обострение гастрита, – солгал

гость.

– Не верю, у вас вид здорового крепкого мужика. К тому же гастрит лечат спиртом, – сообщил хозяин кабинета. – Вы похожи на героя какого-нибудь захватывающего служебного романа. Это прежде строго было насчет неформальных связей с женщинами легкого поведения. Надзирали горком, обком и прочие партийные органы, что угрожало карьере, а нынче сексуальная революция. Иметь любовницу, и не одну – это достоинство, а не порок, знак качества, свидетельство о том, что мужик здоров душой и телом. Всегда готов к штыковой атаке…

Громко рассмеялись сочному сравнению, вызвав смятение в утонченном сознании Райкова.

– Не только вам, Андрей Захарович, но и другим чиновникам, что часто бывают в командировках, следует для поднятия жизненного тонуса в каждом городе иметь пылкую без комплексов зазнобу. Эх, ничто человеческое нам не чуждо. Как в песне поется: люби, пока молодой.

– У меня жена, семья, – не поддержал сальную тему Райков.

– Все мы обременены семейными узами, – продолжил Хлыстюк. – С хомутом на шее, как битюги, тянем семейную телегу с женой, детьми и скарбом. Почитай, цыганский обоз. Но согласитесь, что женщин по статистике значительно больше, чем нашего брата-акробата. Кто-то же должен об одиноких леди и дамах позаботиться, приласкать и согреть. Сре-

ди девиц, обиженных, обделенных судьбой, есть неотразимо очаровательные бестии. Нас от этого не убудет, а их тем более. Бабам физиологически необходима наша любовь, даже потому, что на мужиков постоянный дефицит. Без женщин, без любви к ним жизнь лишена смысла.

– Для меня ваша логика неприемлема, – возразил главспец. – Женщина должна быть свободна в своем выборе, никто не вправе ее принуждать к блуду, сожительству под предлогом диспропорций среди мужского и женского населения.

– Значит, вы не от мира сего, такой правильный, непорочный? Впервые встречаю мужика, равнодушного к женским прелестям, – удивился Савелий Игнатьевич, и повторил. – Так что вам, водку или коньяк?

– Немного коньяка.

– Вот и прекрасно, я тоже коньяк уважаю, расширяет сосуды и понижает давление.

Каморин отвинтил крышку и услужливо налил золотистую жидкость в хрустальные фужеры.

– За знакомство! За вас, наш дорогой и желанный гость! – Хлыстюк провозгласил тост. – Мы людей из Совмина любим и почитаем, как близкую родню. Они сами на переднем рубеже обороны, и нас, сирых и убогих, отстоят, не отдадут на поругание и заклание, как беззащитных ягнят. Мы ведь в сравнении с вами, столичными чиновниками, мелкие клерки.

Выпили, усердно налегли на закуску.

– Вы, Андрей Захарович, не скромничайте, отведайте керченскую сельдь, – предложил хозяин. – Прежде ее, как и бычков, было вдоволь, а теперь деликатес. Не каждому чиновнику, навестившему город, посчастливиться дегустировать. Оскудели Азовское и Черное моря. Лютуют браконьеры, краснюка выгребают, нет на них управы. Вот, чем стоило бы заняться, а не проверкой анонимок, кляуз от выживших из ума маразматиков и скандалистов. Для них это наркотик, хобби. Эти психически ненормальные элементы не могут дня прожить без того, чтобы на очередную жертву не вылить ушат грязи. Мешают нормально жить, отравляют всем настроение, а вы, ради формальности, готовы в лепешку расшибиться, но отличиться своей твердолобой принципиальностью.

Вилка с наколотым кусочком сельди замерла в руке Райкова, почувствовавшего в словах прямой, язвительный укор.

– Вы ешьте на здоровье, это я не вам, а рыбинспекции в назидание, – спас положение Савелий Игнатьевич. – Природоохранная прокуратура тоже мышей, точнее, браконьеров, не ловит. Наверное, потому, что кормится из одного корыта.

– Мне, пожалуй, пора в гостиницу. Благодарю за хлеб и соль, – приподнялся из-за стола главспец.

– Гостиница? Мг холодно, неуютно, скопище тараканов и клопов, – передернул плечами советник. – У нас для знатных гостей есть приличное место – гостевой домик. Номера

люкс, автономное отопление, импортная мебель, ковры … Комфортно отдохнете, а утром с новыми силами.

– Да, Андрей Захарович, по поводу ночлега все будет в порядке, – подтвердил градоначальник. – Лучше мне подскажите, в чем заключается высший пилотаж бухгалтера, финансиста, критерии их мастерства?

– В том, чтобы свести дебит с кредитом, – не подозревая подвоха, ответил Райков.

– Эх, батенька, да у вас провал в знаниях, признаки профнепригодности, – объявил вердикт Савелий Игнатьевич. – Запоминайте, искусство бухгалтера заключается в умении каждый рубль гонять на счетах до тех пор, пока он не окажется в кармане. Вот это и есть высший пилотаж.

Громко, брызжа слюней, расхохотался. Каморин, неоднократно слышавший из уст шефа этот засаленный анекдот, вяло рассмеялся.

Главспец, не оценив юмора, тупо взирал на чиновников. Затем промолвил:

– Пещерный век, Сейчас при наличии смартфонов и калькуляторов на костяшках счетов никто не считает.

– Суть не в приборе, инструменте бухучета, а в принципе, – хмуро заметил Хлыстюк и подумал: «Черт подери, совершенно лишен чувства юмора. Ничто его не забавляет, ни радует, как сухарь. Наверное, страдает от изжоги или желчи. С таким тугодумом каши не сваришь. Упрямый, прямой и холодный, как штык. Неужели и последнее, главное средство

не сработает?»

Возникла тягостная пауза. Мэр взглядом подал знак советнику и тот на правах тамады, наполнил до краев фужеры и, стоя, провозгласил:

– По флотской традиции второй тост за прекрасных женщин! За милых и ласковых дам! Хотя в данный момент ни одной из них нет рядом, но они всегда с нами, в сердце.

Прежняя скованность постепенно оставляла Райкова и, когда хозяин предоставил ему слово для тоста, он охотно откликнулся:

– Мой тост самый короткий – Будьмо!

Дружно сдвинули тонко звенящие фужеры и выпили.

– Никак оппозицию представляете? – удивился Хлыстюк.

– Я вне партий и политики, – отозвался гость.

– Напрасно. Без сильной и популярной партии сейчас карьеру не сделаешь. После каждых выборов перетасовка кадров, в зависимости от симпатий и антипатий, принадлежности к сторонникам или противникам победителя. У каждого из нас должна быть надежная опора, влиятельные покровители, иначе выбросят за борт. В желающих подсидеть, столкнуть с кресла, недостатка нет. У меня под окнами кабинета постоянно, то пикеты, то палаточные городки…

Тунеядцы, лентяи не хотят работать, подметать улицы и белить бордюры, а только бузят, чистую воду мутят. И подбивают их те, кто мечтает занять мое законное кресло, чтобы пристроить родню, друзей на прибыльные должности и ска-

зочно обогатиться. Семейственность, кумовство, блат, подобно холере, неистребимы. Вы, Андрей Захарович, наверное, тоже не без амбиций, мечтаете об успешной карьере?

– На высокие роли и министерские портфели не претендую. Те кресла ненадежны, периодически происходит ротация кадров. А на мой скромный портфель никто не претендует, поэтому, даже при смене состава правительства, остаюсь при деле. Меня ценят, как опытного профессионала, дорожащего своей репутацией.

– Но противники, наверняка, есть?

– Конечно. Без них жизнь неинтересна.

– Как-нибудь, если сильно насолите, соберутся с силами и сковырнут вас. Не боитесь?

– Не боюсь. За мной грехи не водятся, живу скромно на зарплату и гонорары от чтения лекций в институте, публикации статей в прессе.

– Так еще и пером забавляетесь? Странный вы. человек, Андрей Захарович, не от мира сего, – с сочувствием произнес Савелий Игнатьевич. Вошла Нина Петровна, неся в руках поднос с чашечками ароматного кофе.

– А вот и женщина! – обрадовался ее появлению Игорь Глебович. – Мы выпили за женщин, присоединяйтесь к нам.

– Не смущайтесь, – разрешил хозяин. Каморин достал из серванта еще один фужер, протер его салфеткой. Выпили за мудрую женщину и хорошую, исполнительную работницу. Горячий кофе взбодрил.

– Спасибо, господа, пора и честь знать, завтра много работы, – Райков поднялся из-за стола. Хлыстюк решил его не уговаривать, лишь ,глядя на советника, сообщил:

–Игорь Глебович, пошли в приемную перекурим.

Когда они удалились, вполголоса потребовал:

– Сделай все, чтобы его обезоружить. Поймай за жабры или губу на острый крючок. Пусть у него отпадет желание рыться в наших финансовых документах.

– Босс, не сомневайтесь. Есть у меня такой острый крючок в салоне «Шик & Блеск». Еще не один хитрый и жирный карась не сорвался с крючка. И этот пескарь от нас не уйдет.

Хлыстюк понял, о каком крючке речь и заметил:

– Если по какой-либо причине не клюнет, то придется пожертвовать валютой. Игра стоит свеч. Рискуем потерять намного больше.

Когда они возвратились в кабинет, начальник деловито велел советнику:

– Возьми мое авто и устрой Андрея Захаровича по высшему разряду, а я еще поработаю – дел невпроворот. Работаю в режиме Иосифа Сталина, до полуночи, а бывает, что и до рассвета. Доложишь мне потом.

С печалью в голосе обратился к гостю:

– Андрей Захарович, наше земное пребывание и без того короткое, чтобы его отравлять ничтожными мелочами. Надо радоваться каждому мгновению жизни, словно это последний твой день на этой грешной земле. Время необратимо,

жестоко и стремительно.

Райков не нашел аргументов для возражений. Поддерживаемый Камориным, он вышел во внутренний двор здания к поджидавшему их автомобилю «Mazda».

– По коням! – шутя, приказал водителю Игорь Глебович и машина выехала на освещенную огнями рекламы и фонарями улицу.

5. Жгучая брюнетка

Гостевой домик предстал в виде добротного двухэтажного кирпичного особняка в тихом переулке. На фасаде неоновая реклама: Салон красоты «Шик & Блеск». Каморин услужливо помог Райкову выбраться из машины.

– Осторожно, Андрей Захарович, не споткнитесь на ровном месте, не сверните себе шею. Конь о четырех ногах и тот падает. Я за вас головой отвечаю, – хлопотал он, забегая вперед столичного гостя.

– Игорь Глебыч, я сам, – главспец пытался обойтись без его услуг. Он неуверенной походкой направился к входной двери. Советник шел рядом, подстраховывая его. Трижды нажал на кнопку электрозвонка, скрытую в маленькой нише стены. Двери распахнулась и в проеме появилась крупная фигура мужчины в камуфляжной форме с кобурой на ремне. Он узнал Каморина и освободил проход.

– Это что? Ми-ли-ция? – в недоумении остановился Райков, машинально прикрыв грудь «дипломатом».

– Охранник для вашей безопасности, – пояснил Игорь Глебович. – Вы – человек важный, крупная персона, а в городе не перевелись налетчики, грабители, готовые обчистить карманы и портмоне солидных гостей. Ничто и никто не вправе омрачить ваш отдых. Здесь будете, как у Бога за па-

зухой под надежной охраной.

В холле их встретила миловидная блондинка лет тридцати, тридцати пяти от роду. Под белоснежной блузкой высокая грудь, на бедрах – черная короткая юбка, стройные ноги в ажурных колготах.

– Заждались, гостям всегда рады, Андрей Захарович, – нежно улыбнулась она посетителю.

– Оксаночка, мы люди подневольные, – лукаво подмигнул ей советник. – Знаешь, как в старой песне поется: первым делом, первым делом самолеты, ну, а девушки, а девушки потом…

– На пилотов вы не похожи, – рассмеялась она. – Но все равно люди симпатичные. За гостем будет ухаживать Яночка. Она еще неопытная, но красивая, смышленая и смелая девочка. Думаю, что с обязанностями успешно справится.

– Оксана – ты сокровище, – Игорь Глебович невзначай обнял ее за тонкую талию и нежно шепнул на ушко. – А сама ты в форме, моя лапочка? У меня кровь закипает.

– Ладно, не торопись, – смутившись, ловко выскользнула она.

– Может, с нами отдохнешь? – предложил Каморин.

– Нет, нет, я при исполнении, – отказалась женщина.

– Я, я, пожалуй, отправлюсь в гостиницу, – заупрямился было Райков.

– Так это и есть самый лучший в городе отель для знатных гостей. Не привередничайте, взрослый человек, а ведешь се-

бя, как ребенок, – мягко пожурил его советник. – Сдалась вам казенная, неуютная и холодная гостиница с крысами, мышами, клопами и тараканами…

– Что же вы довели отель до такого состояния? – упрекнул главспец.

– Хозяйство большое, проблем много, за всеми не уследишь, но примем адекватные меры и доложим, – пообещал он. – Зато здесь тепло, уютно, почитай, пятизвездочный отель, благодать. Куда вы, глядя на ночь, да еще под градусом? Грабители догола разденут. Водителя я отпустил, не на спине же прикажите вас тащить? Ненароком милиция задержит или кто ограбит. Зачем вам неприятности…

Райков остановился в нерешительности, размышляя над доводами советника. «А ведь он, по сути, прав, в ночном городе всякое может приключиться. Доказывай потом разным комиссиям, что ты не верблюд. Увлекся, надо было меньше пить и контролировать ситуацию … Однако коньяк отменный».

– Что вы, Андрей Захарович, как красна девица? – Каморин тронул его за руку. – Женщины для нас постарались, вы же аристократ, белая кость, должны проявить благодарность.

Он пока не мог себе уяснить, в чем же выразилось старание женщин, но все же поддерживаемый Игорем Глебовичем по мраморной лестнице поднялся на второй этаж. Полуосвещенный бра коридор, ковровая дорожка, несколько дверей в номера.

– Вот мы и дома, – советник толкнул рукой дверь. Она мягко отворилась и их глазам предстал ярко освещаемая хрустальной люстрой со вкусом обставленный номер-люкс с итальянской мебелью, импортными телевизором и видеомагнитофоном. Посредине на большом мягком ковре овальной формы стол, богато сервированный блюдами с деликатесами и напитками. В центре – ваза с бархатисто-пурпурными розами.

На диван-кровати возлежала, словно на рекламном плакате девушка-брюнетка лет семнадцати – восемнадцати. За полчаса до прибытия знатного гостя она выслушала наставления. «Запомни, Яночка, шарм, изюминка девушки состоит в том, чтобы любой мужчина ее захотел, то есть в магии очарования, – поучала Оксана. – А высший пилотаж – овладение искусством совокуплений с полной гаммой наслаждений. В Китае и в других странах Востока девочек с детства учат с радостью, упоением отдаваться мужчинам, доставляя им и себе райское наслаждение. Если будешь следовать моим советам, то гарантирую тебе красивую жизнь и роскошь». Девушка молчаливо внимала ее словам.

Светился экран телевизора, звучала чарующая мелодия. Девушка проворно поднялась и поспешила навстречу. Ее милое лицо с зелеными глазами и по-детски сочные капризные губы излучали радость и нежность. Черные, как смоль, волосы с тусклым блеском струились на смуглые плечи

– Яна, принимай дорогого гостя, – велел советник. – Она

горничная и по совместительству массажистка.

– Милости просим, будьте, как дома, – приветствовала брюнетка.

– Знакомься, это Андрей Захарович, – представил он главспеца. – Большой и весьма влиятельный начальник из столицы. Будь с ним, голубушка, ласковее, покажи ему шик и блеск, ослепи своими неземными чарами.

Девушка и подала тонкую изящную руку. Райков ощутил тепло маленькой ладони и, чуть помедлив, прикоснулся губами.

– Вот это по-французски, по-рыцарски, Андрей, – Каморин захлопал в ладони. – Таким ты мне больше нравишься. Будь раскованней, официоз вредит имиджу и шарму.

– Раздевайтесь, господа, умывальник в ванной и к столу, – на правах хозяйки велела Яна. Игорь Глебович помог гостю снять плащ. Повесил верхнюю одежду в шкафу. Они прошли в ванную сверкающую зеркалами и импортной сантехникой. Яна осталась хлопотать у стола.

– Недавно евроремонт сделали, – пояснил советник. – Теперь есть где приютить почетных гостей. Мы должны равняться на заграницу, даже превосходить ее. Я считаю, что такие салоны красоты должны быть в каждом уважающем себя городе. У гостей должно надолго остаться хорошее, незабываемое впечатление от командировок. Тогда они вновь посетят наши края.

– Да, комфортно, – согласился Райков, смывая теплой

струей воды с рук пену. Лицо он сполоснул холодной, чтобы освежиться.

– Если пожелаешь сауну, то на первом этаже. Позовешь Оксану, она организует по высшему разряду, – сообщил Каморин, вытирая руки полотенцем. – По желанию клиента тайский массаж. Лет на десять помолодеешь душой и, особенно, телом.

– Сауну? Как-нибудь в другой раз, не последняя командировка, – ответил Райков, ощутив прилив свежих сил.

– Надо сполна пользоваться плодами цивилизации. Жизнь человеческая и без того коротка, чтобы не воспользоваться, не вкусить их прелесть. У тебя еще несколько дней командировки и поэтому не отказывай себе в удовольствиях. Ничто приятное не должно быть чуждо нормальному человеку, – внушал Игорь Глебович. – Кстати, как ты относишься к охоте и рыбалке?

– Положительно, но без фанатизма. Природу надо щадить, чтобы для будущих поколений не осталась пустыня.

– Если появится желание, не скромничай, я все организую, – сказал советник. – Савелий Игнатьевич обожает охоту на фазанов, дроф и дикую утку в Присивашье или в плавнях и лиманах Тамани. И крупную дичь, того же кабана – вепря, или подвернется, не упустит. У него прекрасный карабин «Сайга» и пистолет Макарова. Он – человек азартный, волевой и решительный, так что не советую с ним тягаться и портить отношения.

Вторая его страсть – рыбалка на кефаль, чуларку, сарган и пиленгас. Хлыстюк, я тебе скажу, Андрей, мужик настоящий. Иногда суровым бывает, к тому его должность обязывает, иначе всякие проходимцы на голову сядут, понукать станут. Поэтому врагов, завистников у него хватает. Вот и жалобу сочинили по заказу. Ты на него не наезжай. Все мы, люди, человеки, должны помогать друг другу. Надо тебе, например, краснюк, черная или красная икра ко дню рождения жены Инны Филипповны или дочери Ирины, разве мы в чем откажем. Но и ответный жест нужен соответствующий. Долг платежом красен.

– Никому я ничего не должен, – поняв намек на снисхождение, помрачнел Райков. – Получается, что рука руку моет? О жене и дочери навели справки, чтобы впоследствии меня шантажировать?

– Должны же мы знать, с кем имеем честь общения. Как говорят, не ходи в воду, не зная броду. Справки навели, ради твоего блага. Запомни, что руки у нас с Савелием Игнатьевичем чистые, поэтому мыть не придется, – пояснил советник. – Из самых лучших побуждений, как раньше говорили, человек человеку друг, товарищ и брат. По такому принципу и живем, заботясь о благе горожан, о процветании бизнеса.

– Это камуфляж, маскировка,– сухо ответил главспец. – Я с такими ситуациями и прежде сталкивался. Нынче чиновники наловчились строить «потемкинские деревни», чтобы пустить пыль в глаза.

– Не понимаю, что за страсть рыться в документах, дышать архивной пылью, когда в жизни, в этой быстротечной жизни, столько приятных занятий и мгновений, – сокрушался советник.

– Жизнь не из одних праздников соткана, – заметил Райков.– Кто-то должен, как вол, выполнять черную работу, чтобы общество стало чище и справедливее. Особенно в наше суровое и жестокое время, когда старое разрушено, а новое не создано.

– Тебе бы с такой речью прямо в депутатское кресло, к микрофону или на трибуну, – с иронией промолвил Каморин. – Тяжело, наверное, жить с подобными принципами? До шизофрении легко себя извести.

– Господа! – прозвучал нетерпеливый девичий голос. – Не наскучила вам эта политика?

– Однако разговорились мы, а девушку некрасиво, рискованно одну без внимания оставлять. Уведут, как цыган коня,– неудачно пошутил советник. Они вышли из ванной в гостиную.

– Я полагала, что это удел женщин наводить красоту и часами смотреться в зеркала, – мягко упрекнула их Яна.

– Возле такой красавицы, как ты, стыдно ударить в грязь лицом, – парировал ее замечание Игорь Глебович. – Ты, само очарование, тянет к тебе магнитом. Эх, где мои семнадцать лет, где мой черный пистолет? На Большой Каретной…

Комплимент попал в цель. В этом Райков убедился во-

очию, внимательно разглядев девушку. Выше среднего роста в оранжево – палевом платье с длинным до бедра обнажившим стройную ножку, разрезом, Яна была великолепна. Черные волосы тускло блестящими нитями сбегали на плечи и грудь. Манящий взгляд был таинственно – нежен.

Девушка, демонстрируя свою красоту, мягкие линий гибкого тела, не торопилась сесть за стол. Смотрите мол, какая я прекрасная и обольстительная. Улыбаясь, смотрела на Райкова. Он смутился и даже испугался ее открытой доверчивости. Поспешно, следом за Камориным присел к столу. Напитки и закуска отличались богатым ассортиментом – на гостя не поскупились.

– У нашей Януси грудь, губы и другие прелести натуральные, без силикона, – тоном ушлого сутенера сообщил Каморин. – Ты очень скоро в этом убедишься, только не робей, будь смелей. Все, что естественно, то не безобразно, а прекрасно.

Пожирая девушку похотливо-маслянистым взглядом, велел:

– Ну-ка, покажи свое богатство, свои неземные прелести. Не скромничай, здесь все свои, тебя не убудет, – потянулся рукой к ее высокой груди, но Яна ее оттолкнула.

– Игорь Глебович, не смущайте девушку, – вступился Райков.

– Ха, она сама, любого в краску вгонит, – возразил советник и потянулся к бутылке шампанского «Новый Свет»

с портретом князя Голицына – родоначальника крымского виноделия – на этикетке. Разорвал блестящую фольгу и без хлопка аккуратно выкрутил пробку.

– С меня довольно, завтра много работы, – главспец накрыл большой хрустальный фужер ладонью.

– Андрей, ты меня удивляешь, – советник замер с бутылкой в руке. – Работа – не волк, в лес не убежит. Мы просто обязаны выпить за молодость и очарование Яны, иначе она обидится. Правда, Яночка?

– Да, обижусь, – девушка кивнула головой. Укоризненно и грустно взглянула на Андрея Захаровича. В ее глубоких глазах отразилась неподдельная печаль.

– Тогда, разве что фужер шампанского, – согласился гость. – И ни капли больше, организм уже не принимает.

Каморин театрально поднялся с полным фужером и выдал экспромтом: – Будь всегда, голубка Яна от любви и счастья пьяна.

– Чудесно! – по-детски обрадовалась она и наградила советника скромным поцелуем в щеку. Невольно для себя Райков ощутил, как острые шпильки ревности кольнули его сердце. Не глядя на Яну, выпил шампанское, закусил ломтиками сыра и буженины. Тягостную паузу нарушил Игорь Глебович:

– Теперь твой тост, Андрей Захарович. Видишь наша великолепная Яна в томительно-трепетном ожидании.

Девушка, подавшись вперед телом, поощрительно улыба-

лась, склонив набок прелестную голову.

– Если так, то открывай коньяк, Игорь Глебович, – неожиданно потребовал столичный гость.

–Это другое дело. Так держать! – обрадовался Каморин, отвинчивая колпачок на бутылке «Ай-Петри». Налил в фужеры золотистый напиток, а Яне – шампанское. Райков собрался с мыслями, но ничего оригинальное не пришло на память. Пытался вспомнить что– либо из стихов Блока или Есенина, но непокорные рифмы убегали прочь.

– Будь любима и счастлива! – пожелал он смущенно, осознавая, что не оправдал ее ожиданий.

– Просто и убедительно, – похвалил его советник. – Ведь любовь и счастье неразделимы.

Едва гость выпил коньяк, Яна смело поднялась с места и прильнула к его губам. У него перехватило дыхание. Райков ощутил приятную мягкость и теплоту ее губ. Словно из далекого детства на него повеяло запахом нежных лесных фиалок.

– Так нечестно, – советник прервал их долгий поцелуй. – Я тоже хочу, Яна, ты чародейка.

– А вы, ты, Андрей, клевый мужчина, – промолвила девушка и приказала Игорю Глебовичу. – Наливайте! Мне мускат белый красного камня. Переполняют эмоции, тоже хочу слово сказать.

– Огонь-девка, кровь с молоком! Толк в винах знает. Недавно именно это вино завоевало Гран-при на междуна-

родной выставке.

– Тогда и мне мускат, – вошел в азарт Райков. Советник охотно выполнил его просьбу.

– Говори, Яна, твой голос, как пение соловья, – поторопил он, опасаясь, что гость передумает.

– За рыцарей без страха и упрека! – четко произнесла она и, ласково глядя на столичного гостя, прошептала. – К счастью они еще не перевелись, не вымерли, словно мамонты.

– На брудершафт, на брудершафт! – настойчиво потребовал Райков, наклонившись к девушке. Она маняще – заразительно засмеялась, словно серебряные монетки рассыпались по столу. Охотно переплела тонкую руку с его рукой. Они коснулись прозвеневшими фужерами и выпили. Девушка послушно запрокинула голову, прикрыв длинными пушистыми ресницами глаза. Он со страстью впился в ее полуоткрытые мягкие, хмельные губы.

«Все, пропал, сгорел мужик, – в душе ликовал советник. – Перед чарами Яны даже самый безнадежный импотент не устоит. Считай, что дело в шляпе, теперь и мне можно с Оксаной отдохнуть душой и телом».

Для надежности дела он снова наполнил фужеры. Райков и Яна так увлеклись друг другом, словно забыли о его присутствии, а он не спешил напомнить о себе. Они разомкнули уста и руки, смущенно, словно школьники, поглядели на Каморина.

– Что мужику, для полного счастья надо? – спросил совет-

ник и сам же ответил. – Выпить, закусить и красивую пассию завалить. Один раз на свете живем, поэтому Андрей не робей, пользуйся случаем. Другого шанса может не быть.

– Яна великолепна, – согласился очарованный ею гость.

– Извините господа хорошие. Вы, люди свободные, а я – птица окольцованная, – произнес Каморин. – В гостях, как говорится, хорошо, а дома лучше. Поеду я к своей благоверной супруге Дуняше. Давай, выпьем на посошок и я пошабашу.

Выпили и у порога, взяв Райкова по руку, Игорь Глебович напомнил:

– Имей в виду, Андрей Захарович, что такие роскошные апартаменты мой босс обычно предоставляет гостям в ранге не ниже министра или народного депутата. Пребывая в добром расположении духа, он для тебя сделал редкое исключение, поэтому завтра и в последующие дни постарайся не испортить ему настроение, а себе служебную карьеру.

– Если такие условия, то я готов съехать, – ответил Райков, едва держась на ногах.

– Куда в таком виде? Еще напорешься на наряд милиции, намнут тебе бока, скандала не избежать, – безнадежно махнул рукой советник. – Только безумец может, на ночь глядя, бежать от такой очаровательной женщины, как Яна.

Напоминание о прелестном создании погасило вялое стремление оставить номер-люкс в салоне и отправиться в гостиницу.

– Утром за тобой заеду, – пообещал советник. – Яна не обижай Андрея. Райских вам наслаждений и сладких сновидений.

Через несколько минут “окольцованная птица” оказалась в меблированном камере на первом этаже в жарких объятиях Оксаны – смотрительницы пикантного заведения.

– У меня есть эротический фильм. Подруга из Польши привезла. Хотите посмотреть? – предложила Яна, когда они остались наедине.

– Наверное, порнография? – вздохнул он. – Сейчас телевидение, книги, пресса – все поражено сексом и насилием. Всеобщее помешательство на грани психоза. Может потому, что эта деликатная тема взаимоотношений между мужчиной и женщиной была под запретом. Вспомни лозунг: «В Советском Союзе секса нет!» Что ж давай эротику, поглядим, какой вкус у твоей подруги – путешественницы.

Яна подошла к телевизору с встроенным видеомагнитофоном и нажала на кнопку. На экране появилось прелестное создание, потекла тихая завораживающая мелодия. Девушка, лежа на белых простынях, медленно сняла с себя халат, обнажив сначала верхнюю, а затем и нижнюю часть золотисто-смуглого тела.

– Андрей, идите ко мне. Отсюда удобнее смотреть, – пригласила его Яна на диван. Он, повинуясь ее просьбе, присел рядом, ощутив ее упругое тело. Девушка благодарно склонила голову на его плечо. Мягкие волосы приятно щекотали

его щеку, дразнили тонким запахом французских духов. От нее исходило властно влекущее очарование.

Между тем на экране продолжалось действо. В руках прелестницы появился электровибратор. Она принялось осторожно массировать им грудь, соски бедра, пах и лобок живота… Эти действия сопровождались сладкими всхлипываниями и стонами…

Райков невольно почувствовал, как нарастает желание. Слабо владея собой, он расстегнул несколько перламутровых пуговиц на платье Яны и ощутил под ладонью теплоту и упругость ее груди. Она, поощрительно улыбалась, потянулась к нему сочными губами.

– Андрей, ты мне очень симпатичен, – прошептала Яна, снимая с себя одеяние, и он охотно последовал ее примеру.

– Не торопись, – слегка отстранился он. – Яна, ты совсем такая нежная и юная, сколько же тебе лет?

– У женщины неприлично интересоваться ее возрастом. Она всегда для мужчины молода и загадочна?

– Это далеко не праздный вопрос. Созрела ли ты для секса?

– Если тебя это так волнует, то восемнадцать лет и пять месяцев, вполне созрела,– с упреком произнесла Яна, развеяв его смутные сомнения. На экране телевизора девушка вскрикивала, доведя себя вибратором до экстаза. Но Андрей и Яна, охваченные сильным, непреодолимым желанием, уже были поглощены друг другом. Им не пришло в голову пога-

сить люстру. Он с восторгам ощущал ее гибкое, пылкое тело, целовал ее бархатистую нежную кожу, шептал ласковые слова. Никогда еще обладание женщиной не доставляло ему такого блаженства.

Под утро, утомленный, он крепко заснул. Его разбудила Яна. Она была все в том же оранжево-палевом платье.

– Пора, Андрюша, потрудился на славу, – похвалила она с озорным блеском в зеленых глазах. – Ты настоящий искуситель. Мне до сих пор упоительно сладко …

– Прости, Яна, кажется, вчера я много выпил и потерял голову, – робко покаялся Райков. – Я не хотел тебя обидеть.

– Все нормально, не казни себя, – ответила она. – Мне было с тобой очень приятно. Вчера я сама выбирала, с кем спать. Если бы ты мне не приглянулся, то я бы ни за что не отдалась.

– Яна, а ведь мы с тобой так и не познакомились поближе. У тебя должна быть фамилия?

– Куда уж ближе, а фамилия есть, Пунцова, – улыбнулась она и густо покраснела, словно в подтверждение фамилии.

– Действительно, Пунцова, – заметил он, довольный проявлением ее стыдливости, осознав, что профессиональная, искушенная проститутка не смущалась бы и не краснела, Значит, не все потеряно. Райков побрился, оделся, выпил чашку кофе, приготовленный заботливой Яной.

– Я тебе что-нибудь должен, – неуверенно спросил он, опустив глаза. – Сто или двести долларов?

– Сколько должен…? – с обидой повторила она.

– Говори сколько?

– Прощальный поцелуй, – ответила она с грустью.

– А почему прощальный?

– Это теперь от тебя зависит, Андрей.

– Хорошо, мы что-нибудь придумаем, чтобы эта встреча не была последней, – с жаром пообещал он и поцеловал ее в полуоткрытые губы. – Яночка, мне не нравиться твое занятие. Не хочу, чтобы другие мужчины прикасались к твоему великолепному телу. У тебя, что же нет приличной профессии? – спросил Райков.

– Есть, недавно после учебы в школе с отличием закончила курсы массажисток и устроилась в этот «Шик & Блеск», – призналась она. – Вначале, действительно, выполняла массаж. А потом, когда Каморин хитростью втянул меня в долг, потребовал оказывать клиентам интимные услуги. Ты первый клиент…

– И сколько ему задолжала?

– Восемьсот долларов. Хотя по моим подсчетам в два раза меньше, но он придумал какие-то проценты, неустойку, поставил на «счетчик».

– Яночка, родная, беги из этого борделя, не растрачивай свою молодость и красоту.

– Я бы с большой радостью, но Игорь предупредил, если вздумаю бежать, то его братки с битами найдут, изнасилуют, ославят на весь город и пустят по рукам. Я и мама такого

позора не переживем.

– Да, проблема. От этих подонков ничего доброго не жди. Для них нет ничего святого, – вздохнул главспец и достал из кармана брюк две зеленоватые купюры:

– Возьми хотя бы двести долларов. У меня больше нет. Не мог предвидеть, что встречу тебя и все так обернется.

– Нет, Андрей, у нас все произошло искренне по взаимному желанию и согласию, по любви, – возразила она. – Не хочу, чтобы ты воспринял меня, как девушку легкого поведения. Если я возьму валюту, то это будет означать, что оказала платную услугу. Не хочу жить с такой мыслью.

– Я тебя воспринимаю, как прекрасную женщину. Мне никогда не было так приятно, – признался он.

– Мне тоже, – улыбнулась Яна.

– Мы породнились. Теперь я тебя не отпущу.

– Не верю я обещаниям. Все так говорят, – небрежно, словно раненым крылом, махнула она рукой.

– Я не все же, имею совесть и честь, – возразил Райков. – Заберу с собой в столицу.

– В качестве кого?

– Высшего образования у тебя нет?

– Нет и вряд ли смогу обрести, – вздохнула она.

– Почему? Не будь пессимисткой.

– Учеба платная, не по моему карману.

– Учиться не поздно, хотя с функциями секретаря-референта ты вполне справишься. Надеюсь, что с работой на ком-

пьютере знакома?

– Да, знакома. В школе изучала информатику. Но для офисного секретаря это не главное.

– Странно, что же тогда главное, – удивился он.

– Умение заваривать, подавать кофе и ублажать работодателя.

– О, ты знакома с пристрастиями некоторых депутатов и чиновников.

– Понаслышке, – смущенно произнесла Яна. – Но в Симферополь не поеду, на кого я оставлю маму?

– Советую тебе уйти из этого борделя, – сказал главспец. – Это не место для приличной девушки. Мне больно представить, что кто-то чужой будет целовать твои губы, ласкать нежное тело …

– Ревнуешь, – усмехнулась она и печально продолжила. – Я сама не один раз хотела все бросить, но нет работы. Маме платят жалкие гроши. Отец погиб в автокатастрофе.

– Да, ситуация сложная, – согласился Андрей Захарович. – Но ты не отчаивайся. Для меня эта встреча больше, чем случайная. Мы с тобой теперь кровная родня.

– Ты мне очень дорог, – призналась она.

– Яна, я подумаю, как тебе помочь, – Райков дал ей визитную карточку. – Звони, это мой рабочий телефон.

– У меня ни визитки, ни телефона, – развела она руками и спрятала карточку в сумочку. Прозвучал звонок. Яна открыла дверь – на пороге Каморин с широкой улыбкой на сытом

лице.

– Доброе утро, сладкая парочка! – бодро приветствовал он. – Выше голову, Андрей Захарович, с боевым крещением!

– Доброе, – вяло ответил Райков. Тревожное чувство закралось в сердце. Слишком напыщенно бодрым показался ему голос советника.

– Яна, оставь нас, надо серьезно поговорить, – властно велел Каморин, Смущенная Пунцова послушно вышла из номера.

6. Шантаж и угрозы

Перед тем, как присесть за стол Игорь Глебович расстегнул куртку и главспец заметил рукоятку пистолета во внутреннем кармане. Райков понял, что этот, якобы нечаянный показ оружия, предназначался для него. А вот какой пистолет, боевой или газовый, определить было невозможно.

– Андрей Захарович, мы вчера, а особенно ты, был в ударе, славно погудели, – дружески похлопал он его по плечу. – Превзошел все прогнозируемые ожидания. Как тебе наша Яна? По глазам вижу, что понравилась. Смазливая девочка из новеньких, свеженьких, как персик. Ты у нее был первым клиентом. Получился настоящий праздник для души и тела. Да, ты не смущайся, все нормально. Мы, мужики, не без греха, знаем в этом толк. Это изумительное чувство обладания женщиной, особенно такой, как Яна. С боевым тебя крещением! За это следует выпить.

Он наполнил фужеры остатками коньяка и пригласил жестом.

– Утром, перед началом рабочего дня, предпочитаю кефир или минеральную воду, – сухо отказался Райков.

– Похвально, браво! А я не гордый, пью и коньяк, и водку, – ухмыльнулся Каморин и выпил коньяк. Закусил бутербродом с черной икрой, пережевал и, самодовольно уставив-

шись на гостя, как баран на новые ворота, властно заявил.

– Всю ночь ты нашу антилопу пялил, а за удовольствия надо платить, на халяву номер не пройдет. Бесплатный сыр только в мышеловке.

– Какую антилопу? В чем проблема? – помрачнел главспец. – Я предлагал Яне доллары, но она отказалась брать.

– Глупая, поэтому отказалась. Я их учу: если дают – бери, а если бьют, то – беги. Она не знает себе цены, а я знаю.

– Сколько? Я заплачу.

– Валюты, ни долларов, ни евро не хватит. Яна слишком дорогая девушка, – осадил его советник. – Плата будет иной. Мы к тебе, Андрей всей душой и сердцем. Встретили на уровне министра или даже премьера. Обеспечили комфорт, уют, богатое застолье, приятный вечер, и еще приятнее ночь с юной девочкой. Она у нас была непорочной, не целованной. Самая лучшая среди всех, настоящая королева красоты.

От себя оторвал, пожертвовал. А ты вместо благодарности, как канцелярская или бедная церковная крыса, готов рыться в наших бумагах, ради поиска компромата. Нехорошо, некрасиво получается. Лучше это время проведи с Яной, а командировку мы тебе чин – чинарем оформим, все будет в полном ажуре.

– Это мой долг, моя работа, за которую я от государства деньги получаю. И прошу вас мне не тыкать. Не забывайтесь, что я госслужащий пятого ранга при исполнении, – повысил голос главспец.

– Пятый ранг? Невелика шишка, у моего шефа третий ранг госслужащего, что соответствует воинскому званию полковник. А ты по табелю о рангах всего лишь капитан, поэтому не забывайся. Каждый сверчок знай свой шесток. Может и хмельная ночь тоже прошла при исполнении служебного долга? Ты – чайник, как слон хлестал коньяк с виагрой, а она эффективнее корня женьшеня. Вот тебя и потянуло на «клубничку-земляничку». Сейчас по-другому запоешь!

Игорь Глебович решительно прошел к стоявшему на тумбочке магнитофону, достал из кармана куртки кассету и вставил в гнездо.

Нажал кнопку воспроизводства звука. Среди шума, вздохов и стонов Райков с ужасом узнал свой голос: «Яна, солнышко …, сладкая моя ягодка, какая ты нежная и ласковая, мне очень хорошо с тобой…». Яна в ответ сладко стонала: «Мне так приятно, так прикольно с тобой, Андрюша. Ты бесподобный мужчина …еще, хочу еще».

Даже непосвященному был понятен смысл происходящего.

– Это тоже твоя служебная работа, ночные оргии? – злорадствовал Каморин. – С девочкой непорочной, не достигшей совершеннолетия, что квалифицируется, как уголовно наказуемое деяние?

– Игорь Глебович, вспомните, я просил устроить меня в обычную гостиницу, тогда бы ничего этого не произошло, – произнес Райков, охватив голову руками.

– Я тебя устроил в пятизвездочный отель со всеми удобствами, а теперь поздно, поезд ушел, – заявил советник. – Тебе захотелось свеженькой «клубнички» для поднятия тонуса. Если этих доказательств покажется мало, то есть видеозапись пикантных сцен совокупления с Яной. Твоей Инне Филипповне и дочери Ирине будет интересно узнать, чем занимается в командировках их любимый муж и папочка. Может, на трезвый глаз глянешь, чем ночью занимался?

– Это подло, мерзко с вашей стороны, – наконец, выдавил из себя Андрей Захарович. – Яна тоже знала, что идет видеозапись?

– Мы ее в такие тонкости не посвящаем, у нее другая роль и она ее прекрасно сыграла,– ответил советник. – Ты, Андрей, прости, но мы вынуждены защищаться от бесконечных наездов всяких ревизоров, проверяющих, шныряющих, плодотворной работе мешающих. Как известно, лучшая оборона – атака.

Не знали, на какой хромой кобыле к тебе подъехать. Мол, неподкупный, как Робеспьер. Оказывается, у каждого есть слабое место, «ахиллесова пята». Для одних это власть, чины, ранги, награды и звания. Для других – деньги, слава, а для тебя оказывается, женщины. Странно, что рекомендовали, как отличного верного семьянина и любящего отца. Женские чары – это самое сильное оружие, самая сладкое зелье. Редко, кто устоит перед таким соблазном. Вот и ты попался, как кура в щи.

– Савелий Игнатьевич обещал собрать совещание специалистов. Я должен расследовать факты, изложенные в жалобе и дать ей ход для принятия окончательного решения?

– Ситуация резко изменилась. Савелий Игнатьевич не может тебя принять, он занят важными государственными делами, не намерен заниматься вашими сексуальными приключениями,– сурово изрек советник. – Он поручил мне позаботиться о твоей изрядно подмоченной репутации, но при определенных условиях.

– При каких условиях, каким образом?

Игорь Глебович достал из кармана командировочное удостоверение, оставленное вчера у Наины Петровны и билет на автобус.

– Вот вам проездные и отправляйтесь от греха подальше. Забудьте, что приезжали в наш город, – посоветовал Каморин. – Пару дней понежитесь под боком у жены. Отдохнете от ярких впечатлений и за работу в свою канцелярию. Подготовите отчет о командировке, мол, факты не подтвердились, спишите жалобу в архив, там ее почетное место. А еще лучше предайте огню, как злостную анонимку, чтобы она не бросала тень на доброе имя моего достойного почестей шефа.

– Но это же «липа», служебный подлог! – возмутился главспец. – На что вы меня толкаете? Это же преступление.

– Совращать, насиловать несовершеннолетнюю девицу, разве не преступление? – повысил голос советник. – Будешь

рыпаться, закатаем за распутство в кичман.

– Что это такое? – насторожился Райков.

– Если не соображаешь по фене, хотя обязан, как главный специалист, знать и этот сленг. Объясняю в популярной форме. Закатать в кичман означает посадить в тюрьму. Теперь – то усек?

– За что? – побледнев, опешил Андрей Захарович.

– Как за что? Он еще имеет наглость спрашивать. За растление несовершеннолетней, – Каморин достал из кейса брошюру, развернул ее на закладке. – Итак, статья 120 Уголовного кодекса, цитирую дословно, чтобы потом не было претензий: «Половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости, – наказывается лишением свободы на срок до восьми лет». Удачная командировка. Искренне поздравляю, не каждому выпадает такое везение.

– Довольно паясничать! – вскипел Райков. – Яна мне сама сообщила, что ей восемнадцать лет и пять месяцев, вполне созревшая женщина. К тому же я у нее не первый мужчина.

– Поражаюсь твоей наивности. Ты ее паспорт проверял?

– Нет. Не имею на то полномочий.

– Тогда помалкивай в тряпочку. Девица легкого поведения тебе при желании с три короба наговорит, а ты лох и рад, уши, словно лопухи, развесил. Считай, что легкую победу над беззащитным юным созданием одержал.

– Все произошло по взаимному согласию, Яна сама проявила инициативу и желание, – вздохнул гость.

– Не обольщайся. Мне не составит труда представить ваши оргии, как сексуальное насилие. Яна охотно подтвердит.

– Она честная девушка, не посмеет покривить совестью.

– Плохо ты, Андрей, женщин знаешь. Ни одна из них не устоит перед валютой, драгоценностями, шикарной одеждой и обувью, французской парфюмерией и косметикой. Этот вариант давно проверен и действует безотказно, – заверил советник.

– Для каких тогда целей вы держите Яну и других красивых женщин в салоне, а точнее, борделе «Шик & Блеск »?

– Для красоты, а не для плотских утех. Они горничные, а не дешевые игрушки, – сухо ответил советник. – Это тебе не притон, а приличное пятизвездочное заведение с прекрасным сервисом и достойной репутацией. Ты же повел себя, как сексуальный маньяк.

– Для чего тогда скрытая видеокамера?

– Для таких, как ты, темпераментных любителей «клубнички».

– Это грубый шантаж.

– Ты другого языка и не понимаешь. Мы с Савелием Игнатьевичем долго голову ломали, на какой сивой кобыле к тебе, столичному фраеру, подъехать. Оказалось, что на хорошенькой козочке. Самую лучшую тебе по-братски уступил, а ты жлоб, каких еще поискать. Парашют хоть пузырил или на радостях заправил ее ухой, двойной или тройной? Ты, судя по темпераменту, мужик азартный, горячий и неутомимый,

как Гришка Распутин, распинавший не только наивных деревенских баб, но и придворных графинь.

– О чем речь?

– Я спрашиваю, презервативом пользовался, чтобы для Яны без последствий? Нам здесь жеребые бабы на сносях не нужны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.